

МИССИЯ МИРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 50 (2423)

8 ДЕКАБРЯ 1973

Дели. 29 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев выступил в парламенте Республики Индии.

И ДРУЖБЫ

Дели. 30 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отбыл в Москву. На снимке: во время проводов на аэродроме Палам.

Индийская молодежь желает доброго пути Л. И. Брежневу.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

Дели. 27 ноября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями Коммунистической партии Индии.

27 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев нанес визит Президенту Республики Индии Варахагири Венката Гири и имел с ним беседу. Президент Республики Индии Варахагири Венката Гири в тот же день дал в президентском дворце завтрак в честь Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

27 ноября состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с руководителями Коммунистической партии Индии. Товарищ Л. И. Брежнев информировал индийских товарищей об актуальных вопросах внутренней и международной деятельности КПСС.

28 ноября в президентском дворце были продолжены переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с Премьер-Министром Индии Индирой Ганди. В тот же день состоялась беседа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с председателем партии Индийский национальный конгресс (ИНК) д-ром Ш. Д. Шармой.

28 ноября прошла встреча Генерального секретаря ЦК КПСС с активистами Индийско-советского культурного общества (ИСКО) — массовой общенациональной организации друзей Советского Союза. Словами приветствий, горячей, продолжительной овацией встретили собравшиеся речи Л. И. Брежнева и Индиры Ганди.

29 ноября с речью на заседании индийского парламента выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, встреченный горячими аплодисментами.

29 ноября в президентском дворце «Раштрапати Бхаван» в торжественной обстановке состоялось подписание совместных советско-индийских документов. Совместную советско-индийскую декларацию подписали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди. Л. И. Брежнев и Индира Ганди подписали также соглашение о дальнейшем развитии экономического и торгового сотрудничества между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Индией.

Соглашение о сотрудничестве между Государственным плановым комитетом Союза Советских Социалистических Республик и плановой комиссией Республики Индии подписали заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР Н. К. Байбаков и министр планирования Индии Д. П. Дхар. Консульскую конвенцию между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Республики Индии подписали член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и министр иностранных дел Индии Сваран Сингх.

В тот же день Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев дал в посольстве СССР в Индии обед в честь Премьер-Министра Республики Индии Индиры Ганди. Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Индира Ганди обменялись на обеде речами.

30 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев отбыл из Дели в Москву. Вместе с ним отбыли член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаев и другие официальные лица. На аэродроме Палам, украшенном государственными флагами СССР и Индии, Л. И. Брежнева и сопровождающих его лиц провожали Премьер-Министр Индии Индира Ганди, министр иностранных дел Сваран Сингх и другие официальные лица. На аэродроме был выстроен почетный караул и исполнены государственные гимны СССР и Индии. В честь Генерального секретаря ЦК КПСС был дан артиллерийский салют. Премьер-Министр Индии Индира Ганди и Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев обменялись речами.

В тот же день из Дели в Москву возвратился Генеральный секретарь ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев и сопровождающие его лица.

На Внуковском аэродроме товарища Л. И. Брежнева встречали товарищи Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, члены ЦК КПСС Б. П. Бугаев, В. В. Кузнецов, К. В. Русаков, К. У. Черненко, Г. Э. Цуканов, Н. А. Щелоков, кандидат в члены ЦК КПСС С. К. Цвигун, член Центральной ревизионной комиссии КПСС Г. К. Цинев и другие официальные лица.

Среди встречавших находились временный поверенный в делах Индии в Советском Союзе П. Синай, дипломатический состав посольства Индии в Москве.

В. НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Визит Л. И. Брежнева в Индию позади. Остались яркие впечатления. В своей совокупности они позволяют назвать его историческим и выдающимся. Историческим — по его масштабным результатам. Выдающимся — по сопутствовавшей ему атмосфере дружбы и сердечности.

В декабре 1961 года, в дни государственного визита в Индию, Л. И. Брежнев по индийской традиции посадил в парке в Дели молодое деревце. При этом Леонид Ильич сказал: «Я с удовольствием принял предложение посадить это дерево, думаю, что это будет хорошим символом развивающейся дружбы между нашими народами. Я уверен, что оно пышно расцветет». Сегодня эта уверенность полностью воплотилась в реальность. В дни нынешнего визита мы видели это дерево в Дели.

БУДУЩЕ

Москва. 30 ноября. Встреча на Внуковском аэродроме.
Фото А. Гостева.

Уже высокое, прямоствольное, с пышной тропической кроной, оно своими корнями глубоко ушло в благодатную землю Индии. И так же жизнеутверждающе и надежно расцвела за эти двенадцать лет советско-индийская дружба. У нее тоже глубокие корни. Их ощущаешь повсюду и в нашей стране и в Индии.

Прославленный русский художник и великий друг Индии Николай Рерих с убежденностью провидца писал тридцать лет назад:

«Тянется сердце Индии к Руси необъятной. Притягивает великий магнит индийский сердца русские. Истинно «Алтай — Гималаи» — два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских.

Красота заложена в индо-русском магните. Сердце сердцу весть подает».

Верно! Какие мудрые и емкие слова! Несколько месяцев назад мне посчастливилось встретиться с Индирой Ганди в ее делийском доме. В гостиной висит несколько картин. На одной из них — русская багряная осень. Женщине и лидеру нации, во многом ее олицетворяющей, по сердцу наша своеобычная красота.

Тогда Индира Ганди любезно согласилась сфотографироваться в саду, окружающем дом, и я имел возможность не только слышать ее, но и всмотреться в удивительное лицо. Стройная, изящная женщина, истинная дочь Индии. Но не только жена, мать, наконец, бабушка. Не только труженица, подвижница. Но и борец. И более того — не просто ищущая справедливости мятежная душа, а мудрый государственный деятель. И при всем том, отвечая на вопрос о самом счастливом моменте в ее жизни, она сказала: «Возможно, самый счастливый момент был тогда, когда я ощутила в руках у себя первенца». Сегодня в ее руках тоже судьба первенца — Республики Индии, которой недавно исполнилось четверть века. Следуя заветам деда и отца, двух великих борцов за независимость Индии, Индира Ганди ведет страну по пути, о котором говорит: «Мы избрали социалистический путь, потому что мы чувствуем, что другого пути искоренения нищеты не существует».

Народ Индии поддерживает своего лидера на этом пути и постоянно ощущает помощь советского народа и благотворные плоды нашего сотрудничества. Вот почему столь горячо встретила Индия советского гостя, посланца великой дружественной страны. «Все говорит о том,— пишет газета «Хинду»,— что визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Индию будет иметь историческое значение. Целеустремленность, динамичность и активность являются стилем работы Генерального секретаря ЦК КПСС. Благодаря его энергичным усилиям проложен путь к мирному сосуществованию государств с различным социальным строем. Индийско-советские отношения, скрепленные Договором о мире, дружбе и сотрудничестве, являются образцом такого сосуществования».

В приведенных выше словах — ключ к пониманию той сердечной встречи, которая была оказана в Индии Л. И. Брежневу. На всем пути следования его с аэродрома до отведенной резиденции, на митинге у Красного форта его приветствовали сотни тысяч людей, и не менее горячо встретили Л. И. Брежнева несколько сотен избранников народа в парламенте, где они представляют 560-миллионный народ.

Нельзя было без волнения быть очевидцем этих и других событий, поднявших визит не только на такую политическую, но и эмоциональную высоту. И этому в немалой степени способствовали личные качества и усилия двух встречавшихся лидеров. Удивительное сочетание женской мягкости, твердости характера и нежности, постоянно укрощаемой сдержанностью, у Индиры Ганди с целеустремленной логикой, обстоятельной аргументированностью и добрым юмором у Л. И. Брежнева — все это придавало общей картине переговоров дух взаимопонимания и искренности.

Немало поездил я по Индии и всегда ощущал, что нахожусь среди благожелательно, по-доброму ко мне настроенных людей. В дни визита Л. И. Брежнева это чувство обрело особую силу. От водителя автомашины до официальных лиц из ближайшего окружения Индиры Ганди, от случайных встречных на улицах до индийских коллег-журналистов — у всех я наблюдал самое искреннее дружеское отношение. И все они были постоянно под самым сильным впечатлением от проходившего в те дни визита. Они говорили о нем с радостью, говорили о тех светлых надеждах, которые он вселяет в них. И, возможно, не каждый из них знал или припоминал при этом слова Дж. Неру, в которых тот с присущей ему политической прозорливостью писал: «Если будущее полно надежд, то это в значительной мере благодаря Советской России и тому, что она сделала». И еще показательно то, что все встречавшиеся мне в Индии люди, оценивая визит, говорили не только об интересах Индии и Советского Союза. Жизнь научила их смотреть на вещи шире. Они хорошо осознают, что нас вместе более 800 миллионов, и это такая сила, которая не может не играть важной роли в судьбах человечества. Выступая на митинге у стен Красного форта, Л. И. Брежнев сказал, что советско-индийская дружба «убедительно показала свою ценность для наших народов, для обеспечения общих интересов и, можно сказать, безопасности наших стран. Она подтвердила свою ценность и для дела мира во всем мире».

Летопись пяти дней визита необычайно богата событиями. Одним из самых ярких из них стала встреча Л. И. Брежнева с активом Индийско-советского культурного общества. Его содержательная речь исключительно тепло воспринималась аудиторией, которая устроила бурную овацию, когда Леонид Ильич, упомянув о нашем советско-индийском Обществе дружбы, сказал: «Весь советский народ — это коллективный член Общества дружбы с Индией».

Я не знаю, собиралась ли в тот вечер выступать Индира Ганди, сидевшая в президиуме. Возможно, и не собиралась, похоже было, что она вышла на трибуну, захваченная общей взволнованной атмосферой встречи. Легким жестом руки и милой улыбкой погасила бурю аплодисментов, обрушившихся на нее, затем сказала: «У истоков нашей дружбы стояли В. И. Ленин и Джавахарлал Неру. Имя Л. И. Брежнева сегодня произносится в нашей стране с таким же глубоким уважением, потому что Генеральный секретарь много сделал на благо индийско-советской дружбы».

Визит Л. И. Брежнева завершен. Впереди — огромная, рассчитанная на много лет работа по претворению в жизнь решений, принятых в Дели. Советско-индийские отношения, и до этого никогда не омрачавшиеся, поднялись на новую высоту, с которой еще отчетливее видны горизонты мира и процветания.

Дели, ноябрь — декабрь.

Е ПОЛНО НАДЕЖД

В ЕДИНОМ СТРОЮ — К НОВЫМ

СИМВОЛ БРАТСТВА

Б. МИЛТО,
Герой Социалистического Труда,
бригадир наладчиков
Вильнюсского завода
строительно-отделочных машин.

Этот обыкновенный трудовой день — 28 ноября — навсегда останется в памяти трудящихся нашей республики. На знамени Литовской ССР рядом с орденом Ленина засверкал орден Дружбы народов — символ нерушимой дружбы и тесного единения литовского народа со всеми братскими советскими народами.

В просторном зале вильнюсского Дворца спорта состоялось совместное торжественное заседание Центрального Комитета Компартии Литвы и Верховного Совета республики. На это заседание, посвященное вручению Литве ордена Дружбы народов, собрались члены и кандидаты в члены ЦК КП республики, депутаты Верховного Совета СССР и Верховного Совета Литовской ССР, руководители партийных, советских и общественных организаций, передовики промышленности и сельского хозяйства, деятели науки и культуры, ветераны революционного движения и Великой Отечественной войны. Мне тоже посчастливилось присутствовать здесь. Бурными аплодисментами встретили мы дорогого гостя, прибывшего на этот праздник, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А, Суслова.

От имени Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и лично Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, от имени Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства М. А. Суслов сердечно поздравил нас — участников торжественного заседания и всех трудящихся Советской Литвы с высокой наградой Родины — орденом Дружбы народов, которым Литовская ССР награждена за большие заслуги в укреплении Союза Советских Социалистических Республик, дружбы и братского сотрудничества наших народов, за

Вильнюс. 28 ноября. Вручение ордена Дружбы народов Литовской ССР.

ПОБЕДАМ

большой вклад в экономическое, социально-политическое и культурное развитие Советского государства.

Мне особенно запомнились слова М. А. Суслова, обращенные к Литве:

— Награждение вашей республики — волнующее, радостное событие. Мне, в свое время работавшему в Литве, особенно приятно разделить сегодня с вами чувство глубокого удовлетворения высокой оценкой заслуг и достижений социалистической Литвы.

И я, слушая его речь, вновь и вновь мысленно окидывал взглядом тот большой путь, который прошла Литва в братской семье советских народов.

К концу 1973 года объем промышленного производства Советской Литвы в 39 раз превысит довоенный уровень. Труженики сельского хозяйства сейчас собирают вдвое большие урожаи, чем в самые урожайные годы при буржуазном строе. Имена поэта Э. Межелайтиса, скульптора Г. Иокубониса, лауреатов республиканских премий, многих, многих деятелей нашей культуры известны далеко за пределами Литвы. С каждым годом растут и благоустраиваются города и поселки республики. И моя семья живет в новом благоустроенном районе столицы Литовской ССР — районе Жирмунай. Такие районы выросли сейчас во всех городах Литвы. На торжественном собрании речь шла о том особом трудовом подъеме, который переживаем мы в третьем, решающем году пятилетки. Мне, представителю рабочего класса, особенно приятно сознавать, что десятимесячный план по реализации промышленной продукции успешно выполнен. Многие тысячи передовиков производства уже завершили свои личные годовые планы и теперь трудятся в счет будущего года.

Радуют вести из нашего колхозного села. Несмотря на неблагоприятные погодные условия, успешно выполнен план продажи зерна государству. Сельские труженики выполнили свои обязательства по повышению продуктивности животноводства, увеличили производство мяса, молока, яиц. За успехи в социалистическом соревновании передовики сельского хозяйства удостоены высоких правительственных наград. Конечно, всем нам предстоит еще шире развернуть социалистическое соревнование, чтобы задачи пятилетки были успешно выполнены раньше намеченного времени.

...Наступила торжественная минута: товарищ М. А. Суслов прикрепляет орден Дружбы народов к знамени Литовской ССР. Этот миг одинаково дорог для людей многих национальностей, которые плечом к плечу работают в наших трудовых коллективах. Среди них — и литовец, Герой Социалистического Труда Витаутас Гележаускас с завода «Жальгирис»; и русский, член ЦК КП Литвы Алексей Воробьев, слесарь завода имени 40-летия Октября; и белорус, кавалер ордена Трудового Красного Знамени Николай Васько, слесарь головного завода фирмы «Нерис», и многие другие передовики производства.

В моей бригаде тоже работают люди шести национальностей, все мы связаны едиными узами творческого труда. И здесь, в зале, я вдруг отчетливо понял: этот орден, по существу, вручается ведь и нам, рабочим Вильнюсского завода строительно-отделочных машин...

С ответной речью выступил первый секретарь ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкус. Он выразил горячую благодарность Политбюро ЦК КПСС, Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу за высокую оценку труда литовского народа и заверил, что партийная организация, все трудящиеся республики не пожалеют сил, чтобы с честью выполнить решения XXIV съезда партии, чтобы под руководством Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза идти к новым победам.

Литовский народ полон решимости работать еще лучше, производительнее, творчески во имя могущества и процветания нашей многонациональной отчизны.

Фото А. Стужина (ТАСС).

НАДЕЖНЫЙ СПУТНИК

Недавно вышел из печати новый, 22-й, номер журнала «Агитатор». Очередной, ничем в сравнении с предыдущими не отличающийся. Так же универсален в охвате тем и потому неоценим как помощник, здесь есть материалы, цифры и факты и для лектора, и для атеиста, и для политинформатора, и для юриста, и для библиографа. Журнал давно стал незаменимым другом пропагандистов, сейчас трудно представить себе партийное просвещение, сеть политического образования без этого массового издания.

О том, как основательно журнал готовится к встрече с читателями, свидетельствуют и обсуждаемые вопросы, и круг авторов, и даже сами рубрики: «Жить, работать и бороться по Ильичу», «Советский образ жизни», «Пятилетка, год третий, решающий», «Из жизни народов всех стран», «Правовые знания», «Для агитаторов и политинформаторов» и т. д. В № 22, к примеру, много ударных, хороших материалов — среди них обращение четырежды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Г. К. Жукова к молодому поколению страны «Моим молодым соотечественникам», статья Героя Социалистического Труда, кандидата в члены ЦК КПСС, бригадира слесарей-монтажников завода «Красное Сормово» А. Удалова «С Лениным в сердце», очерк Н. Пияшева о соратнике Ленина В. Д. Бонч-Бруевиче, материалы об опыте нравственного и трудового воспитания на предприятиях Ленинграда, об успехах тружеников Марийской АССР, консультации по вопросам охраны труда, международного положения, рецензия на фильм об агитаторе, подборка библиографии. В журнале можно прочитать и слово известных героев труда и интересные очерки о них самих. Журнал не потому ли пользуется доброй славой, что его интересно читать всем, он не замыкается в рамках узкоспециальных тем.

Итак, номер как номер. И все же он не совсем обычный — с него начался отсчет следующего полувека. Журналу ЦК КПСС «Агитатор» исполнилось пятьдесят лет. За пятьдесят лет он сменил не одно название — «Памятка агитатора», «Спутник агитатора», выходил в разных форматах и обложках, но неизменно оставался боевым и практическим другом и помощником большого, непрерывно обновляющегося отряда политинформаторов и пропагандистов. Он делал свое нужное дело уже тогда, в первые годы Советской власти, когда его тираж не превышал десятка тысяч экземпляров, а объем и качество бумаги оставляли желать много лучшего. Страна росла, строилась, ширилась потребность в партийном слове правды в массах, увеличивалось количество кружков политграмоты. Уже в 1926 году тираж издания вырос до 100 тысяч, а ныне он достиг цифры 1 миллион 330 тысяч экземпляров.

В приветствии ЦК КПСС редакции журнала «Агитатор» по случаю 50-летия его основания говорится: «ЦК КПСС желает коллективу журнала «Агитатор», его авторам и всем читателям новых творческих успехов в деле коммунистического воспитания трудящихся, в борьбе за претворение в жизнь ленинских идей и предначертаний партии в строительстве коммунизма».

В эти дни все читатели журнала, его авторы и соратники по перу, отмечая полувековой юбилей издания, от всей души говорят: «Доброго тебе пути, «Агитатор!»»

Ю. ЮРЬЕВ

12 ДЕКАБРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 30 ЛЕТ СО ДНЯ ПОДПИСАНИЯ ДОГОВОРА О ДРУЖБЕ, ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ И ПОСЛЕВОЕННОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ СССР И ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ.

Нина **ВЕРИНА**

В Братиславу мы летели вшестером — лауреаты конкурса «Огонька» «Путешествие в историю ЧССР», получившие первую премию, и специальный корреспондент журнала.

Прежде всего представим читателям участников нашей поездки. Бурят Жамбалдоржи Аюров — фельдшер из поселка Агинское, Николай Туголуков — по национальности коми, сотрудник местной газеты с Печоры, его тезка Швец, преподаватель истории в сельской школе на Кубани, казашка Галия Джумагулова — студентка сельскохозяйственного института Целинограда и московский строитель Георгий Лягушев.

Столица Словакии встретила нас алыми гвоздиками, теплым солнцем. Здесь наша группа выросла: к нам присоединились гид чехословацкого бюро путешествий «Чедок» Надя Виттова и водитель микроавтобуса Ярослав Матейчак. С первых же минут знакомства мы почувствовали себя, как одна семья, в которой неутомимой Наде была единодушно отдана роль доброй «мамы».

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

Ведомый паном Ярославом микроавтобус резво бежит по дорогам Словакии. За окном мелькают сады, уже опустевшие плантации хмеля с длинными, словно мачты, жердями, поля картофеля. Мы спешим в горы. Нас ждет встреча с партизанской юностью Аюрова.

— В 1944 году,— рассказывает Жамбалдоржи Аюрович,— служил я в тыловом госпитале. Однажды к нам приехали представители главного штаба партизанского движения. Коренастый, невысокий человек с добрыми глазами на суровом лице спросил: «Товарищи, кто из вас хотел бы принять участие в партизанском движении? Учтите: работа медика в тылу врага — дело особо трудное». Я без раздумий поднял руку.

Так произошло знакомство с моим будущим командиром Алексеем Афанасьевичем Мартыновым,— продолжает Аюров.— В августе 1944 года нас забросили в Восточную Словакию. Группа наша вскоре превратилась в большой интернациональный отряд: словаки, русские, украинцы, чехи, белорусы, поляки, югославы, немцы-антифашисты. В дни Словацкого национального восстания наш отряд вместе с другими партизанскими соединениями вел бой за Банску-Бистрицу...

И вот уже мы видим Бистрицу сегодняшнюю. Открытые солнцу фасады новостроек, заводские корпуса, уютные сады и парки. В одном из них нам показали обшитую тесом боевую землянку — ее сохраняют здесь как память о суровых годах войны. На заросших травой ступеньках мы разговорились с высоким, статным, седым человеком — ветераном партизанского движения генералом Емилем Перко.

— Соудруг воевал? — спросил Емиль Перко, указывая на орденскую планку Аюрова.

— Да, в этих самых местах сражался. А вы где, товарищ генерал?

— Точке здесь. Во время Словацкого восстания командовал пятой тактической группой.

— Значит, помните моего командира Мартынова?

— Конечно, помню. И его и командиров других партизанских соединений — Егорова, Величко, Садиленко. Отличные воины и надежные товарищи...

Через полчаса в музее Словацкого национального восстания Перко и Аюров листали альбомы, отыскивая знакомые лица — тех, кто с победой вернулся на родину, и тех, кто навсегда остался здесь, в земле Словакии.

Последние рукопожатия, обмен адресами и снова в путь. Наша цель — Калиште, деревня, памятная и народу Чехословакии и партизану-буряту.

Собственно, деревни как таковой теперь нет. Ее обычная, земная жизнь, с тяжелым крестьянским трудом и нехитрыми сельскими радостями, окончилась в 1945 году. Гитлеровцы сожгли Калиште за помощь партизанам. И с той поры началась другая жизнь деревни — памятника, охраняемого Чехословацким государством.

Вдоль тропинки, ведущей в деревню, шелестят листьями яблони, роняя тяжелые плоды. Яблони — ни для кого, яблони — в память о тех, кто растил здесь сады, растил детей почти тридцать лет назад. От всего села уцелело только два дома и часовня. Остальное — руины. И, как беззвучный, страшный крик, обгоревший, черный ствол дерева у развалин дома.

Нашего Аюрова не узнать. Всегда веселый, улыбчивый, сейчас он тих, собран. Медленно, будто ноги не слушаются его, Жамбалдоржи подошел к холмику возле часовни и еле слышно сказал:

— Родные мои, вот я и пришел к вам. А помнить — все время помнил.

Потрясенные, мы долго стояли рядом с нашим товарищем. Потом он заговорил тихо и устало:

— Под этим холмом лежат мои друзья. Мы потеряли их в бою. Наш отряд пришел в Калиште в конце 1944-го, вырвавшись из окружения. И партизаны так обрадовались отдыху! Однажды утром слышим крик часового: «Фашисты!» Застрочили пулеметы. Недолгий был бой, да лютый. Партизаны потеряли одиннадцать человек, но деревню отбили. Среди погибших был и наш комиссар Павел Васильев. Молодой совсем, всего четверть века прожил. Погиб и командир разведки Мирон, бесшабашный парень с Украины, и югослав один, песенник, весельчак...

Раненых укрыли в лесу, в бункерах. Жители несли нам простыни, наволочки — на бинты.

Через неделю мы ушли из Калиште на соединение с частями Советской Армии. И, когда прощались, хозяева дома, где я стоял, подарили мне фотографию деревни на память. До сих пор храню ее... Потом я узнал, что фашисты сожгли Калиште.

На Дукельском перевале нас ждала еще одна встреча с прошлым. У подножия памятника советским воинам директор военного музея Иван Миндош рассказал нам о боях, которые здесь были.

— У нас в стране каждый школьник знает, что именно отсюда осенью 1944 года пришли в Чехословакию части Советской Армии вместе с солдатами Чехословацкого армейского корпуса,— говорит товарищ Миндош.— Тут каждый клочок земли омыт кровью советских и чехословацких солдат, тут навсегда скреплена наша дружба.

А знаете, как советский доктор помог встретиться двум моим землякам? — вдруг совершенно неожиданно спросил Миндош. И рассказал нам такую историю. В селе неподалеку отсюда жили братья — Петр и Михаил Рошканины. Когда гитлеровцы захватили Чехословакию, Михаил покинул родные места, и след его затерялся. Петр стал воином первого чехословацкого корпуса. В сражении при Дукле командир минометной батареи Петр Рошканин был тяжело ранен. Снарядом ему оторвало руку. А на руке, как полагалось в чехословацком корпусе,— бирка с фамилией и воинским званием. Рошканина сочли убитым и уже много позже высекли его имя на могильной плите. Тем временем он попал в советский госпиталь во Львове. И там врач обратил внимание, что у него два пациента с одинаковой фамилией. Уж не родственники ли? И когда к Петру вернулось сознание, врач показал ему на соседнюю койку, где лежал его брат Михаил. Оказалось, оба были ранены в бою на Дукле. После войны братья вернулись в родные края, где живут и поныне.

Вечерело. Над Дуклей несся ветер, колебля тоненькую березку, которая каким-то чудом выросла на вершине памятника и стоит здесь как привет с родины тем, кто не вернулся из боя, кто пал за свободу братской страны.

УЧЕНИЦА И УЧИТЕЛЬ

Меня очень интересовала самая молодая победительница конкурса — казашка Галия Джумагулова. Как ей, школьнице-десятикласснице, удалось написать конкурсную работу, поразившую членов жюри поистине энциклопедическим освещением истории Чехословакии? Откуда столь обширные познания? И я спросила Галию:

— Как ты готовилась к конкурсу? Может, родители помогали?

— Нет, не помогали, я сама. Ездила в городскую читальню, собирала снимки, репродукции, журналы. А родители не очень-то одобряли мое участие в конкурсе. Я тогда школу кончала, и они боялись, что это мне помешает. Даже брат-шестиклассник Анвар, и тот меня воспитывал: «Сидишь над своим альбомом, еще на экзаменах засыплешься».

— Но ты же не засыпалась?

— Я неплохо сдала, и выпускные и в институт. Долго колебалась, куда пойти — на истфак или в сельскохозяйственный? Историю очень люблю, но решила не отступать от семейных традиций: мама — лесовод, отец — инженер-механизатор, старший брат учится на землеустроителя. Вот и пошла в сельскохозяйственный.

— А как ты узнала о конкурсе?

— Учительница рассказала. «Я знаю,— говорит,— ты переписываешься с девочками из Болгарии и Польши. Значит, тебя интересует дружба народов. Почему бы тебе не заняться изучением чехословацкой истории?»

Школьный учитель. Да, это его долг — пробудить в своих питомцах интерес к жизни народов других стран, воспитывать ребят в духе интернационализма. И не случайно среди лауреатов конкурса учитель Николай Григорьевич Швец, завуч из кубанского села Великовечное. Умный, обаятельный человек. Представляю, как влюблены в него ученики! Чувствуется, умеет он увлечь ребят и своим предметом — историей и другими интересными делами. Вот, скажем, клуб интернациональной дружбы, который Н. Г. Швец создал в школе три года назад. Ребята ведут переписку с ровесниками из Болгарии, ГДР, посылают им книги, фотографии. А занятия клуба Николай Григорьевич превращает в интереснейшие путешествия по дальним странам. Своей страстью к познанию истории, обычаев, быта других народов он старается зажечь всех, кто его окружает. И сейчас, в Чехословакии, Николай Григорьевич старательно собирает материал для будущего отчета о путешествии, отчета перед школьниками и взрослыми односельчанами.

У ШАХТЕРОВ КАРВИНЫ

Следующая остановка в городе-спутнике Остравы — Карвине, на шахте имени Чехословацкой армии, славящейся своими революционными традициями и одной из крупнейших в стране.

Директор шахты Ян Шажец рассказал:

— Мы работаем в основном на советской технике и давно уже поддерживаем тесные связи с коллегами из Карагандинского бассейна. Соревнуемся с ними. В ходе соревнования удалось установить несколько мировых рекордов по добыче угля. Начал горняк Величкин из Караганды. Потом его достижения перекрыл наш шахтер Крейчес. Так и пошло. Сейчас карагандинцы опять вырвались вперед. Но суть, конечно, не в рекордах. Дружба с Карагандой очень помо-

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ

гает: у советских шахтеров прекрасный опыт владения современной техникой. Недавно наша делегация снова ездила к ним, и на этот раз коллеги познакомили с исследованиями по борьбе с угольной пылью. Весьма перспективные опыты...

А потом мы совершили экскурсию по шахте. Всюду автоматика, электроника. Когда поднялись в лифте на вершину копра, шахтер-ветеран Франтишек Ганзел сказал:

— Вон там, внизу, поглядите-ка, был во время войны склад, на котором кладовщик Бархански полгода прятал советских военнопленных...

Ганзела перебил командир заводской народной милиции Михал Шута:

Лауреаты конкурса «Путешествие в историю ЧССР» в деревне Калниште Вторая слева — гид Надя Виттова.

Фото Антона Краловица.

— Франтишек, расскажи-ка лучше, как ты сам помог бежать советским товарищам.

Ганзел начал так:

— Это у меня, можно сказать, семейное. Во время гражданской войны в Республике Советов моему отцу, солдату австро-венгерской армии, советские люди помогли пробраться из Харькова в родную Остраву. Я был совсем маленьким, когда отец уже наставлял меня: «Знай, сынок, самые надежные друзья чехов и словаков — в Стране Советов».

— Товарищ Ганзел, а вы коммунист? — спросил Швец.

— Кем же мне еще быть? — удивился Франтишек.— Самое заветное желание отца было видеть меня в рядах пролетарской партии.

В войну Франтишек Ганзел работал грузчиком на остравской шахте, которая носит теперь имя Юлиуса Фучика. Под его начало отдали несколько пленных советских солдат. Ганзел всячески старался облегчить их участь, подкормить хоть немного. Пленные постепенно прониклись доверием к своему «начальнику». И Борис Тарасиков, до войны он был учителем в Ростове, стал осторожно выспрашивать Франтишека: где проходит линия фронта и как туда попасть. Ясно: русские решили бежать. Надо помочь. Но как? Ганзел посоветовался с надежными товарищами, и вместе придумали план. Советских военнопленных вывезли ночью в вагонах с двойным дном.

— Частенько я вспоминаю Бориса,— признается Ганзел.— Михал,— обращается он к Шуте,— помог бы ты мне отыскать Тарасикова, ведь у тебя в Советском Союзе стольно друзей.

Да, у Михала Шуты в нашей стране много старых товарищей. Еще с войны, когда он был сыном советского полка. В 1944 году отец Михала, лесник из Гуменне, взял сына с собой в партизаны. Вскоре их отряд соединился с частями 4-го Украинского фронта. Шута-старший отправился домой и, прощаясь с командиром полка, попросил:

— Друг, возьми с собой моего сына. Ему там хочется дойти до Берлина. Он уже взрослый, пятнадцать лет парню.

Передо мною портрет Миши той поры, недавно опубликованный в местном журнале, который мы разглядываем уже на квартире у Шуты. Он всех нас затащил к себе. После победы «сын полка» поселился в Остраве, прошел все шахтерские профессии, теперь возглавляет на заводе народную милицию.

ИМЕНИ ОТЦА

Сероглазый, светловолосый юноша застыл перед табличкой на стене дома: «Улица Лягушева». Парень глаз не сводит с этих двух слов, и лицо заливает румянец волнения. Ведь в паспорте у него стоит та же фамилия. И гражданин Советского Союза, чье имя носит улица чехословацкого города, не просто однофамилец нашего товарища Георгия Лягушева, а самый близкий для него человек — отец.

Георгий здесь не впервые. Два года назад он вместе с матерью и сестрой уже побывал в Клаштереце-на-Огрже. Но и задолго до того, как молодой москвич увидел этот город, здешние улицы были знакомы ему во всех подробностях — по рассказам отца, по письмам его соратников, по фотографиям, бережно хранимым в доме Лягушевых. Георгий, даже закрыв глаза, мог безошибочно представить, где стоит тот или иной дом. Где, скажем, расположен любой из трех заводов города. Где находится здание, в котором после войны размещалась советская комендатура, а сейчас с утра до вечера звенят ребячьи голоса, здесь теперь детский сад.

Бывшая комендатура — это в центре Клаштереца, в ряду других таких же нарядных домов под красной черепицей, напоминающих изделия местного фарфорового завода. А улица Лягушева — на окраине, родилась уже в годы народной власти и застроилась современными многоэтажками.

Георгий хорошо помнит рассказы отца, который после освобождения Клаштереца был советским комендантом этого города.

— Мы, сынок, помогали людям, изгнанным гитлеровцами, вернуться в родные места, налаживать новую жизнь. Нам и после войны пришлось защищать Клаштерец, потому что в здешних лесах прятались гитлеровские недобитки...

После таких бесед отец с сыном склонялись над альбомами с фотографиями, и Гарик расспрашивал Николая Георгиевича о его чехословацких друзьях. Кто, например, вот этот невысокий человек с лукавинкой в глазах?

— Это Ярослав Шафр. В 1945 году он приехал в Клаштерец из красного Кладно. Ярослава избрали секретарем партийной организации. А рядом с ним — другой мой старый друг, Эммануил Веверка. Мы с ними работали рука об руку и очень сблизились. Надеюсь, что и ты подружишься с чехословацкими товарищами.

Надежды отца сбылись. Когда Георгий подрос, в дом на московской улице Чкалова стали приходить письма и на его имя — от Иванки, дочери Ярослава, и от ее мужа Зденека Вацека. В одном из альбомов в семье Лягушевых хранится удостоверение почетного гражданина города на Огрже Н. Г. Лягушева. В другом альбоме — фотография: веселые лица членов бригады социалистического труда с Клаштерецкого шарикоподшипникового завода. Снимок сделан в тот день, когда бригаде было присвоено имя Лягушева. В 1964 году Николай Георгиевич умер. Получив печальную весть, жители Клаштереца написали его жене Ольге Ивановне, что отныне дети полковника Лягушева стали детьми их города. И по сей день почтальон приносит в дом на улице Чкалова груду писем из Клаштереца — и деловых, официальных, и теплых, личных, от старых друзей полковника и новых друзей его семьи...

Сегодня суббота, день отдыха, и улица Лягушева пустынна. Возле домов в палисадниках играют дети. Георгий шагнул к ребячьей компании, и голос его дрогнул, когда он спросил:

— Ребята, а вы знаете, в честь кого названа ваша улица?

Серьезный крепыш в нарядной куртке и потрепанных джинсах, немного подумав, произнес:

— Лягушев — это советский офицер, который освободил наш город от фашистов.

— А как тебя зовут?

— Либор Шира. Мне уже десять лет.

С улицы Лягушева мы направились в центр города. У здания ратуши нас окружили люди — и пожилые и молодые. Георгия обнимали, целовали, засыпали вопросами: «Гарик, зачем ты бороду отпустил?.. Как здоровье Ольги Ивановны?.. Скажи, Иринка довольна своим институтом? Что-то твоя сестра мало пишет о студенческой жизни».

При такой родственной встрече мы, спутники Георгия, почувствовали было себя лишними. Но нас не отпустили: друзья Лягушевых — это друзья Клаштереца — и повели в ратушу. Там за непременным кофе долго текла беседа.

Яромир Лайбл, секретарь райкома КПЧ, рассказал, что после войны население города выросло почти в три раза, что теперь здесь живет 9 300 человек и половина из них — в новых домах, что рабочие шарикоподшипникового с легкой руки Лягушева-старшего крепко дружат с 1-м ГПЗ. А еще Клаштерец тесно связан с жителями города Кольчугина, Владимирской области.

Затем пошли воспоминания.

— Слышали бы вы, как хорошо пел Николай! — улыбается Ярослав Шафр.— Такой у него был красивый баритон! До сих пор наша молодежь поет его заветную «Я люблю тебя, жизнь!».

— А помните его любимую поговорку? — спрашивает учительница Мария Кучерова.— У нас ее частенько повторяют: семь раз отмерь, один — отрежь, но чтоб наверняка было.

На прощание всех нас приглашают снова приехать в Клаштерец, а мы зовем друзей в Советский Союз. И бригадир с шарикоподшипникового Анна Маликова признается, что ей очень хотелось бы побывать у нас, на Крайнем Севере. Она знает, как там романтично — снег, олени, северное сияние!

— За чем же дело стало! Милости просим, товарищ Маликова,— откликается Николай Осипович Туголуков.— Я живу в селе Усть-Цильма. Приезжайте, на санях в собачьей упряжке покатаю. И угощу печорской рыбой. Вкуснее ее на всем свете не найдешь.

Вот и настала пора расставаться с гостеприимным городом над ласковой рекой Огрже. Сколько же поручений увозим мы! Прислать в здешнюю школу фотографии эпохи гражданской войны. Передать привет от Яромира Лайбла секретарю парткома 1-го ГПЗ Павлу Сорокину. Найти второго почетного гражданина Клаштереца — советского полковника Ампилогова...

Девять дней провели в Чехословакии лауреаты огоньковского конкурса. Две с половиной тысячи километров дорог намотано на колеса нашего автобуса. И повсюду мы, граждане Советского Союза, чувствовали себя, как дома. И везде ощущали теплые, искренние чувства, связывающие не одно поколение наших народов.

В ПОКОЛЕНИЕ

РОДНЫЕ ИСТОКИ

Олег САВОСТЮК,
секретарь правления
Союза художников СССР

«Искусство необходимо человеку. Оно многое может ему сказать. Оно воспитывает его эстетически и нравственно, обогащает его духовный мир. Но для этого оно само должно быть богатым, многогранным, проникнутым большой, покоряющей мыслью, глубоким чувством»,— так однажды сказал талантливый литовский скульптор, лауреат Ленинской премии Гедиминас Иокубонис.

И эти слова нельзя было не вспомнить, посетив проходившую недавно в Москве, в Центральном выставочном зале — Манеже, юбилейную выставку произведений художников трех республик Советской Прибалтики — Литвы, Латвии, Эстонии, посвященную 50-летию образования СССР.

Все лучшее, что было создано художниками трех республик-сестер, предстало здесь на суд зрителей. 1 850 произведений 600 авторов. Живописцев, скульпторов, графиков, монументалистов, мастеров декоративно-прикладного искусства... В едином строю выступили и маститые, прославленные мастера, закладывавшие основы советского искусства в каждой из республик, и талантливая молодежь. Зрители с радостью встречали новые произведения давно знакомых и любимых авторов — Э. Калныньша, Т. Залькалнса, Э. Китса, Л. Свемпа, А. Савицкаса, С. Красаускаса, И. Зариня, В. Озола, Л. Давыдовой-Медене, Л. Микко... С интересом узнавали имена молодых талантов — Л. Тулейкиса, лауреата премии ЛКСМ Литовской ССР, А. Пакелюнаса, латышей Р. Музиса, Л. Бумане, Э. Калнениека, эстонцев У. Роосвальта, М. Варика...

На выставках художников Прибалтики внимание зрителей неизменно привлекает декоративно-прикладной раздел. И не только потому, что художники-прикладники всякий раз радуют безупречностью вкуса, великолепным мастерством, любовью к ремеслу, знанием его законов. Главное в том, что именно здесь сильнее всего проступают на поверхность истоки, щедро питающие искусство литовского, латышского и эстонского народов.

Замечательный литовский живописец Микалоюс Чюрлёнис писал о творениях народных умельцев: «Этот вид искусства... так же стар, как само стремление народа к искусству.— И мечтал: — Будущее покажет, может быть, через сто или двести лет, что литовское изобразительное искусство своими корнями уходит в душу народа». Благодаря Советской власти мечта великого художника Литвы сбылась гораздо раньше. На нынешней выставке мы видели, как монументальная природа литовского изобразительного фольклора, народных ремесел — резьбы по дереву, керамики — усилила, наполнила монументальной мощью искусство республики. Эта истинно национальная черта ощущается в полотнах живописцев, придает глубокую, обобщенную выразительность работам ваятелей, которыми так богат прибалтийский край, присутствует в насыщенных содержанием графических листах и сериях. И будто в звучных, торжественных, мажорных аккордах предстает она в витражах — этом исконном ремесле литовских умельцев-художников, небывало ярко и выразительно преображенном и обогащенном сегодня их талантливыми и благодарными наследниками — советскими мастерами литовского витража. Вот почему литовский раздел юбилейной выставки в Манеже открывали именно два тематических витража. Один из них был назван «Они боролись за жизнь». А в залах многие полотна, скульптуры, графические серии тоже повествовали об этапах борьбы и истории народа. Образы героических деяний представали на холстах А. Савицкаса, А. Гудайтиса, В. Гечаса, С. Джяукштаса, Н. Кормашова... Эти художники активно работают над тематической картиной — этим действенным средством художественного познания жизни, утверждения ее прогрессивного идеала. Не удивительно, что уже сами названия произведений этих мастеров говорят о социальной значительности поднимаемых ими тем: «Свободная Литва», «Дороги войны», «Ветераны Жемайтийского полка», «Смерть активиста», «Моя Эстония»... Тему Родины, звучащую в тематических полотнах, поэтично и задушевно подхватывают мастера натюрморта и пейзажа. Особенно много, влюбленно, напевно пишут прибалтийские художники свое море. Мы видим его на холстах притихшим, спокойным, окутанным туманом, потемневшим от непогоды, ласково омывающим пляжи, делящим с человеком его работу... Как на холсте «В Клайпедском порту» молодого литовского мастера И. Шважаса, представленном на цветной вкладке номера. Скупыми средствами рассказал художник об очень многом. О шуме трудяги-порта, о романтике дальних морских походов, о влажном, густом морском воздухе, будто размывшем набухшие силуэты кораблей и кранов. Но главное, живописцу удалось вобрать в свою картину Время. Глядя на пейзаж, ощущаешь дыхание нашего сегодня, строй чувств современного человека.

Так же явственно, но совсем в иных настроениях и красках присутствует нынешний, поражающий разнообразием ритмов день и в пейзаже «Зима» латышского мастера Л. Мурниека. Вместе с художником мы любуемся притихшим, мягко окутанным зимними сугробами рыбачьим поселком, следим, как медленно, нешумно вливается серебряная, присмиревшая к зиме речушка в бескрайние, темные морские воды. Пейзаж очень красив по цвету. На фоне белизны снега, голубых теней, серебра воды с бликами зеленоватой патины, набирающей густоту у темной линии горизонта, негромко, но выразительно перекликаются аккорды красного цвета — в крышах домов и на флажках и трубах судов. Причудливые силуэты деревьев придают особенно изысканную декоративность пейзажу.

В дни открытия выставки председатель правления Союза художников Латвии, народный художник ЛССР Э. Илтнер сказал:

— Готовясь к творческому отчету в Москве, мы особое внимание обращали на произведения, в которых образно исследуется духовный облик современника, поэтически обобщены важнейшие события истории нашей Советской Родины.

Именно эти произведения широко предстали в латвийском разделе юбилейной экспозиции. Они рассказывают о людях труда, об их буднях и праздниках. «Хозяин Вентспилского порта, Герой Социалистического Труда А. Берзиньш» — Б. Бауманe; «Бригада строителей в обеденный перерыв» — А. Баушкениекса; «Урожай», «Зимняя ловля» — В. Озола; «Рыбаки Колкасрага» — Э. Илтнера; «В мастерской художника» — Г. Струпулиса; «Свадьба в рыбацком колхозе в Салацгриве» — Г. Лиепини, «Нынче песни день веселый» — Д. Скулме...

Разлив народной жизни, торжествующий в картинах, посвященных празднествам, словно бы обрамляют и дополняют произведения мастеров натюрморта. На их холстах особенно ярко, раздольно проявляет себя богатство народных, национальных истоков, питающих искусство республики. «Натюрморт на кухонном столе» Н. Брейкша; «Натюрморт с хлебом и луком» и «Мед» Л. Эндзелины... Перед этим холстом, и впрямь золотисто-медовым по цвету, где фактура живописи словно бы сама обрела текучую теплоту меда, подолгу стояли зрители, любуясь простотой, законченностью композиции, магическим лаконизмом рисунка и будто бы вдыхая сладостные ароматы ласкового, пахучего лета.

— Здесь, в Манеже,— говорит Э. Илтнер,— особенно очевидна общность наших культур. В каждой работе можно найти черты национального характера. Но это не разъединяет нас.

Да, на юбилейной выставке прибалтийских мастеров мы видели ясно, ощущали удивительно определенно, что перед нами — искусство республик-сестер. И не потому ли своего латышского друга так хорошо дополнил, верно продолжив и углубив его мысль, председатель правления Союза художников Эстонии, заслуженный художник ЭССР И. Торн:

— Художники каждой союзной республики по-своему ищут опору в богатейшем опыте национального искусства, в искусстве русском и мировом. Ведь развитие и расцвет национальных культур — завоевание Октября.

Октябрь. Этой торжественной, великой теме посвящены были многие полотна на выставке мастеров всех трех республик. Полотно «Буря миновала» рижанина Я. Земитиса рассказывает о первых днях мира молодой Республики Советов. Картина «Революционный Вильнюс» литовского живописца В. Мацкевичуса повествует о борьбе литовского народа за Советскую власть. Холст эстонца Э. Китса «В. И. Ленин» посвящен великому вождю революции, вождю пролетариев всего мира.

Образ Ильича вошел в творчество многих мастеров изобразительного искусства Прибалтики. Воссоздав дорогие ленинские черты в живописных полотнах, многообразными и выразительными средствами графики, в вечных материалах — камне, бронзе, художники Литвы, Латвии и Эстонии талантливо и самобытно дополнили советскую Лениниану.

И еще одна тема была общей для художников Литвы, Латвии и Эстонии — Великая Отечественная война. Полотна, скульптуры, графические листы напоминали о боях и сражениях, славили тех, чьим подвигом была завоевана победа.

...С глубокой, непреходящей, в сердце затаенной печалью написал опаленные огненным заревом лица юных бойцов эстонец И. Кимм в картине «Комсомольцы 1941 года». Вы видите репродукцию этой картины на вкладке. Вглядитесь в нее. Красный цвет — цвет пламени и крови, цвет революции и победы — стал главным ее цветом. Выражение тревоги и мягкости, решимости и юной, почти мальчишеской мечтательности удивительно верно запечатлено на лицах вчерашних школьников, которых Родина позвала на подвиг.

Художник написал молодых солдат такими, какими народная память хранит бессмертные образы героев.

• • •

Выставка мастеров изобразительного искусства трех прибалтийских республик — интересная и многообразная, в каждом разделе отмеченная яркой национальной самобытностью, индивидуальностью талантов, многоликостью, смелостью и творческой плодотворностью новаторских исканий — достойно и поистине празднично завершила тот обширный и красочный, торжественный юбилейный смотр многонационального советского искусства, который был начат в год 50-летия образования Союза Советских Социалистических Республик.

И. Кимм (Таллин). КОМСОМОЛЬЦЫ 1941 ГОДА.

Выставка произведений художников Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР.

И. Шважас (Вильнюс). В КЛАЙПЕДСКОМ ПОРТУ.

Выставка произведений художников Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР.

Вадим КУЗНЕЦОВ

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

* * *

Приезжай ко мне, дружище,
на дары земли.
Здесь, в заливе, окунищи —
прямо горбыли.

За поскотиной, где лето
серебрит дубы,
как десантники, в беретах
в малиновых
грибы.

На лугу,
за дикой вишней,
в зареве утра
для твоей постели пышной
зреют клевера.

В тесной кадке бродит жито,
по ночам бурчит...
Кто-то скажет:
— Пережиток!
Грозно обличит.
Мол, пора (и шито-крыто!)
старое забыть.
Только этот пережиток
будет вечно жить!

Пусть бранятся,
пусть ругают —
голову не гни.
Дома стены помогают —
верные они.

И никто
ни в коем разе
в передрягах лет
не убьет нас
и не сглазит
на родной земле!..

ЛЕШКА

Будто гром над вешним лугом,
разбивая тишь и сонь,
грянет вдруг на всю округу
позабытая гармонь.

И, знакомый местным девкам,
наглый голос с хрипотцой
заковыристой припевкой
не одно ожгет лицо.

Сникнут вдовы, словно травы,
у распахнутых окон:
«Возвернулся, черт кудрявый.
Объявился, охломон!»

Перекрестятся старухи,
ухмыльнутся мужики,
в предвкушении сивухи
облачатся в пиджаки.

Заспешат по тропке узкой
в муравой заросший двор,
на бесплатные закуски,
задушевный разговор.

Хорошо тебе иль плохо —
пой, трехрядка, веселей!
— С возвращением, Олеха!
— Будь во здравии, Ляксей!

Звякнут тусклые медали,
будто Лешке намекнут,
что его отец в подвале
хоронился всю войну.

Не пропал в бою без вести,
не попал к врагам в полон —
десять лет в укромном месте
от войны спасался он.

И, хоть был прощен страною,
не посмел вернуться в дом,
не прощенный
ни женою,
ни Алешкой,
ни селом...

Разговор — он душу лечит,
выжигает боль до дна!
Двадцать лет сгибает плечи
Лешке батькина вина.

Двадцать лет по белу свету
бродит Лешка налегке,
двадцать лет покоя нету
волчьей Лешкиной тоске!

Но куда б ни заносило
непутевою судьбой,
удивительная сила
тянет Лешку в дом родной...

— С возвращением, Олеха!
— Будь во здравии, Ляксей!
Хорошо тебе иль плохо —
пой, трехрядка, веселей!

Пробуй, крестный, угощенье,
не стесняйся, лопай, кум,—
окажите уваженье
дезертирскому сынку!

Никакого с Лешкой сладу.
Он здесь гость
и посему
две недели с лишним кряду
ходит чертом по селу.

Над изломанною бровью
рыжий чуб огнем горит.
Он деньгами и любовью,
словно мусором, сорит!

Ублажает вдов ночами,
а вернется в дом —
опять
несусветными словами
костерит седую мать.

А потом, сомлев от срама,
упадет на край стола:

— Ах, зачем меня ты, мама,
от такого родила!..

Но однажды,
утром рано,
вскинув на спину рюкзак,
через заросли бурьяна
двинет Лешка на большак.

Под тяжелыми шагами
слабо хрустнет лебеда.
Лишь на горке,
за садами
он оглянется туда,
где поблекшее от зноя
по-над речкой залегло
дорогое и родное...
ненавистное село!

* * *

В речке Гауя вода
серебрится, как слюда,
и звенит на перекатах:
— Здравствуй,
Си-гул-да!

Здравствуй, край разящих гроз,
край танцующих берез!
Здравствуй, гулкое ущелье
с вертолетами стрекоз!

Видно, плохо я живу,
если эту синеву
не видал ни разу в жизни
ни во сне, ни наяву.

Но ничьей вины в том нет,
что петляет к тебе мой след,
что на первое свиданье
опоздал на двадцать лет!

Пухнет пена на песке,
как седины на виске.
Между завтра и сегодня
жизнь висит на волоске.

Пахнут брагою кусты,
кружат голову мосты.
Мне как будто не под силу
этот праздник красоты.

В речке Гауя вода
быстротечна, как года.
— Ты ко мне вернешься? Да?
— Прощай,
Си-гул-да!

* * *

> «Все в прошедшем —
> совершенно».
> (Надпись на гербе, выбитом в стене старого замка в Сигулде.)

Грозя мечом неслыханной длины,
баронский герб
презрительно-надменно
с недавно восстановленной стены
вещает:
«Все в прошедшем —
совершенно».

Звучит латынь — весома и крепка,
в державных сводах гулко
отдается.
Идут по замку средние века
тяжелыми шагами крестоносца.

Опять рокочет хриплый рев
трубы,
горят дома,
вершится праздник смерти.
И рвутся в бой хозяева
судьбы —
псы-рыцари,
рогатые, как черти.
Пусть позади лишь трупы,
да зола,
да смрадный чад насилия
и тлена,
потомки оправдают их дела
девизом:
«Все в прошедшем —
совершенно».

...В высоком небе облако плывет,
внизу, в ущелье, ходит ветер
редкий...

На тонкий лед,
на знаменитый лед
полки выводит
Александр Невский.

Нема Отчизна за его плечом,
но в этот миг он суть ее постигнет
и скажет:
«Тот, кто к нам придет с мечом,
тот от меча бесславно и погибнет».

Не знает князь,
что через семь веков
его слова,
от гордости бледнея,
вновь полководец
доблестных полков
произнесет с трибуны Мавзолея!

О, Русь моя!
Ах, как же ты права,
что, не сдаваясь сытости насущной,
свои надежды, мысли и слова
всегда несешь
не в прошлый день —
в грядущий!

...Течет река.
Рокочет самолет.
Баронский герб не щурится
надменно,
и петушок над киркой не поет
о том, что все в прошедшем —
совершенно...

ТРИ МОНОЛОГА

Ахсан БАЯНОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ

На нашей речке Базы в те годы стояла водяная мельница. Плотина была высокой, и вода в запруде разливалась вольно, терялась в промоинах и оврагах, заливала лощины и заходила в лесные и полевые болота. По берегам запруды и разлившейся реки — густые кусты черемухи, смородины. Переплелись ветвями молодые деревца, тальник, калина, ольшаник, заполнили собою уремы, вступили в окружающие леса...

По оврагам, промоинам, озерам и болотам, в густой прибрежной осоке селились многочисленные выводки уток-казарок и даже красавцы журавли.

Весною и летом я, как вольная птица, был настоящим сыном природы. Разведу на берегу костер, вымою захваченную из дому картошку, порежу ее — и в чайник (другой посуды у меня не было). Посолю, залью водой и поставлю на огонь. Пока варится картошка, я не скучаю — любуюсь резвящимися в светлой воде мальками и думаю. Вернее, не думаю, а завидую... Я очень завидую маленькому игольчатому мальку.

Ах, отчего я не родился одной из этих рыбешек, хотя бы вон тем крошечным пескарем! Ему что зимой, что летом — все одинаково. Если пошалит малость, так никто его за то не упрекнет; делай все, что ни пожелает душа, плавай на здоровье, гуляй сколько хочешь в полное удовольствие. И забот никаких...

Эх, быть бы мне рыбкой...

А вон те казарки и журавли?

Ах, птицей хотел бы я быть! Птицей!..

И отчего я не птица? Птицы куда хотят, туда и летят. Как только похолодает, завянет листва, пожелтеет трава, птицы снимаются стаями и догоняют лето. И догоняют даже весну! Они не сидят в избе, дрожа от холода, не раздумывают, что бы такое потеплее надеть на себя. И сколько в своем путешествии они увидят разных стран, сколько красивых мест увидят! А я ничего, кроме этой реки, не видал. Наша река хорошая, хороши ее берега и леса вокруг, прекрасны луга. А как смотрятся вон те озера вдали... Но с высоты, с той высоты, на которой летят птицы, все это, наверное, во много раз прекрасней.

Ах, быть бы мне одной из птиц! Полетел бы я в сказочные страны...

Но я всего-навсего бескрылый мальчишка. Я должен приготовить к приходу старшего брата Ильдархана обед, помочь ему собрать стадо, потом ходить за ним до вечера, и если вечером оно придет в деревню все целым, то это и будет моей радостью, утешением, и никто не станет меня ругать. И так будет завтра, послезавтра, так пройдет лето, осень...

Нет, очень плохо, что я родился человеком. Очень нечестно поступила природа, что не спросила у меня, кем я хочу появиться на свет. Совершила она непоправимую ошибку!

Что думает по этому поводу Ильдархан абый, я сказать не могу. Не знаю. Он со мной об этом не говорит. В последнее время и вовсе мело разговаривает. Точь-в-точь, как все взрослые люди. Ему пятнадцать лет. После смерти отца он стал вместо него пасти стадо и стал старшим в семье. Мне же всего семь лет, и я не пастух, а только подпасок, помощник Ильдархана абый.

...Изредка заглядывала к нам Наркес апа. До сих пор у меня перед глазами ее белое, в голубых цветах платье, серенький фартучек, голубенькие, с маленькими красными камешками серьги. Когда приходит Наркес апа, нам становится сразу весело, и особенно поднимается настроение у Ильдархана абый. Наркес апа бойкая, озорная, иногда просто отчаянная, сама быстро увлекается и умеет других увлечь. А уж красивая!..

Иногда она приносит книги. В книгах много рисунков. Мы видим табуны коней, улепетывающего зайца, злого волка, танцующего журавля, гусей и много других зверей и птиц. Вот уж в такие дни у нас настоящий праздник!

Одно плохо: как только Наркес апа приходит, Ильдархан абый оставляет на меня стадо и уводит девушку в луга. Идут тихонечко, как взрослые, и все разговаривают, разговаривают, весь ближний луг обойдут. Откуда только берут слова? Вот я скажу два-три слова — и больше говорить не о чем.

Как только Наркес апа попрощается и уйдет, Ильдархан абый обязательно отыщет себе какое-нибудь дело: палку остругать, кончик кнута поправить,— и занимается этим часами, молчит и лишь улыбается. Как дурной делается. И о чем он только думает?

В ненастные, дождливые дни приходится трудно. Однажды разразилась гроза. Гремел гром, сверкала непрерывно молния, лил, как из ведра, дождь. И вдруг прямо перед нашими глазами появился волк. Он вскинул на спину овцу и скрылся в ближних кустах. Взбесилось наше стадо, шарахнулись к нам овцы, взревели и кинулись в разные стороны коровы. Мы бросились собирать стадо, а оно все не успокаивалось, и в особенности ревела и металась от испуга наша собственная корова. В погоне за ней я забрался в непроходимые болотные дебри. Старался не отстать от коровы и нечаянно наступил на змею. Как не ужалила меня змея — уму непостижимо! А ужалила бы — вот и смерть. Вот и пропала бы моя бедная головушка.

Волк утащил одну овцу и скрылся, а у нас разбежалось все стадо. Уже темнело, пришли из деревни люди — узнать, почему мы не гоним стадо в деревню, почему много коров прибежали домой, а другие забрались в хлеба соседнего колхоза (за потраву потом пришлось платить). Мы еле приплелись с остатком стада домой уже в полной темноте.

Дома выжали мокрую одежду и, не поев, улеглись спать. Но спал я плохо. Всю ночь Ильдархан абый плакал. Почему он плакал? Что так мучило его?

Осенью сверстники моего брата пошли в школу. Мог бы пойти не только брат, но и я. Но ни брат, ни я в школу не пошли — до самого снега пасли стадо. А в начале зимы Ильдархан абый пошел работать на конный двор, я же не вылезал из дома, болел.

На следующую осень я пошел в школу, меня приняли сразу во второй класс. Это потому, что, хоть и сидел я зиму доме, наверно, раз сто прочитал букварь, раз сто переписал все буквы, научился считать и решать задачи. В арифметике я оказался просто молодцом, а вот красиво писать не получалось. И до сих пор не научился.

Ильдархан абый к тому времени считался совсем грамотным человеком, ему уже поручили самому учить неграмотных, а на следующий год послали на курсы счетоводов. Курсы он окончил на отлично и стал в колхозе главным счетоводом. Проработал на этой должности два или три года.

Дом наш был построен по старинке и обставлен тоже по старинке. Вдоль всей стены — саке, что-то вроде нар, стола не водилось, и на саке мы и ели и спали. Еще печь была, скамья, сундук. И вот Ильдархан абый вдруг приглашает плотников и заставляет их все переделать. Плотники разобрали саке и выбросили, из новых досок сделали перегородку, и появилась у нас отдельная комната. Навесили дверь, к дверям прибили ручки, вставили замок, на место саке поставили железную кровать, под часами — большой стол. А скоро пришел к нам дружок Ильдархана абый и сказал маме:

— Тетушка Зульхабира, готовьтесь к встрече невестки.

Та, которую назвали невесткой, оказалась Наркес апа.

Всего только месяц прожили в новой комнате Ильдархан абый и Наркес апа. С осени Наркес апа стала учительствовать в соседней деревне и переехала туда жить. Ильдархан абый часто к ней ездил, но продолжалось так недолго. Этой же осенью его призвали в армию.

Зимой Наркес апа редко приходила к нам, зато лето все жила только у нас. И каждый день высчитывала, когда вернется муж, мой брат Ильдархан. Но, оказалось, напрасно она считала дни и часы. Их судьбой давно распорядились, не спрашивая согласия. Был конец июня тысяча девятьсот сорок первого года. Теперь незачем было считать месяцы, не говоря уж о днях. Никто не мог предсказать не только день, даже год возвращения Ильдархана абый. Никто не мог предсказать, состоится это возвращение или его не будет никогда.

Вечер.

Сидим на кухне за маленьким столиком перед печью, пьем чай. Огня не зажигаем: экономим керосин. Да и не хочется зажигать. В окне еще видны сад, кусты черемухи и сирени, уютно шипит самовар, чай душист и вкусен, картошка рассыпчата и крупна. Июльский вечер тих, смирен, сумрак вечерний покоен. Нам хорошо, но мы знаем, что идет война и через месяц-два уедет учительствовать Наркес апа и тогда нам будет тоскливо и неуютно. В доме станет темнее, глуше, сад за окном уснет.

— Учила бы в нашей деревне,— говорит ма-

ма.— Вместе и зиму легче прожить. Была бы опорой нашей. Не уезжай.

— Я и сама бы так хотела, да ведь школы в нашей деревне нет. Слишком уж мало у нас учеников. Не откроют школу.

Сидим мы, разговариваем так, и вдруг открывается дверь, на пороге — знакомая фигура.

— Исанбек абый!

Я выбежал из-за стола и бросился к нему.

Исанбек абый обнял меня, похлопал по спине, потом легонько оттолкнул, поставил возле двери небольшой чемодан и застыл в нерешительности.

Наркес апа потупилась от его взгляда и откинулась к стене. Хорошо, мама быстро нашлась. Встала, подошла к Исанбеку абый и обняла его.

— О Исанбек! Какой нежданный, но милый гость! Ай, Исанбек! Заявился, молодец.

— Ну, как вы тут поживаете? — спросил Исанбек абый, стараясь скрыть смущение. А потом весело улыбнулся всем, и будто посветлело в доме от этих слов и от этой улыбки.

Исанбек абый внимательно взглянул на Наркес апа, будто стараясь угадать, кто она такая, и я поспешил прийти ему на помощь:

— Это наша Наркес апа.

— Это наша килен [1],— подтвердила мама.

— А, так, значит, это и есть сноха? Очень славно! А я вот племянник твоей биана [2]. Для тебя — абый. Поздороваемся, что ли?

— Что ж, поздороваемся,— все еще не поднимая глаз, протянула руку Наркес апа.

Поздоровавшись, Исанбек абый снял зеленый плащ, повесил его на вешалку и твердым шагом подошел к столу.

— Ну, Анис, дай-ка мне умыться.

Пока Исанбек абый умывался, мама перекинула мне через плечо свежее полотенце.

— Вот как ты здорово вырос, а! Так сколько же тебе лет теперь? — спросил Исанбек абый.

— Двенадцать исполнилось, тринадцатый.

— Значит, скоро в армию пойдешь. Растет солдат!

— Неужели эта война протянется до тех пор, что он солдатом станет? — спросила мама с беспокойством.

Исанбек абый улыбнулся.

— Я шучу, тетушка. Но война очень серьезная. Пока враг к нам идет, а не от нас бежит. Чем больше он пройдет, чем больше хапнет нашей земли, тем дольше протянется война.

— А все не захватит ли?

— Такую огромную страну, как наша, враг никогда не сумеет покорить.

— Мы все равно победим, Исанбек абый! Да?

— Да, конечно.

— Слышала, мама?! Ну, что я тебе говорил!

— Дай-то бог. Спасибо тебе, Исанбек, за доброе слово. Садись к столу. Не заставляй упрашивать.

— Спасибо. Упрашивать не надо,— сказал Исанбек абый и потянул к себе миску с картошкой, чай и вновь посмотрел на Наркес апа.— Значит, вы и есть Наркес?

— Наркес. Вам странным показалось мое имя?

— Имя неплохое. Мне, например, нравится. Очень нежно, ласково звучит.

Пока пили чай, мама расспрашивала Исанбека абый о его делах, здоровье, а мы с Наркес апа помалкивали и лишь изредка встревали в разговор.

— Последнее время я работал, как вы знаете, в Свердловске...

— Ничего страшного не случилось? Очень уж приехал ты неожиданно.

— Страшного ничего нет.

— В отпуск, что ли? — Мама смотрела на Исанбека абый, а я радостно воскликнул:

— Не уезжай, Исанбек абый, никуда не уезжай!

— Уехать, браток, придется,— грустно улыбнулся Исанбек абый. И мы на некоторое время примолкли. А он, тряхнув головой, уже бодро добавил: — Надо!

— Куда же теперь поедете? — спросила Наркес апа.

— Не теперь, а некоторое время спустя,— ответил Исанбек абый неопределенно.

— Куда? — снова спросила Наркес апа.

— На фронт.

— Правильно ты поступил, Исанбек,— сказала после недолгого молчания мама.— Это уж обязательно надо было сделать — повстречаться с родной тетей. Я ведь у тебя осталась вместо матери. Спасибо тебе. Соскучилась я очень.

— И я. Но приехал я сюда не только повидаться и проститься.

— Значит, есть еще кто-нибудь, кого вам надо повидать? — спросила Наркес апа.

— С нашего завода на фронт не всякого отпускают. Могли бы и мне дать броню...

— Как? Выходит, ты идешь по своему желанию?! — воскликнула мама.

— Да, по своему желанию. Мои товарищи ушли на фронт, и мне негоже отсиживаться в тылу. В общем, так, тетушка. Я сейчас болен. И, чтобы меня взяли на фронт, должен подлечиться. С легкими у меня не в порядке, у печей стоять не могу. Подлечусь побыстрее и на фронт.

— Чтоб мои уши не слышали. Пусть ветром унесет твои слова,— перебила его мама.— Что ты говоришь?!

— Не обязательно, наверно, погибать каждому, кто пойдет на фронт,— сказала Наркес апа.

— Да и не завтра я ухожу. Месяц-другой поработаю в соседней деревне, а завтра... завтра же пойду в военкомат.

— Зачем так торопиться?

— Время, тетушка, военное. Надо торопиться.

Вот тебе и на! А я уже размечтался, как мы с ним вместе будем гулять возле речки, купаться, загорать, собирать в лесу ягоды, играть по вечерам в шашки. Как же так получается?

Дней пятнадцать, а может, и месяц Исанбек абый жил у нас в доме. Наркес апа очень быстро привыкла к нему. Он достал где-то велосипед и чуть ли не каждый день уезжал в районный центр. Ездила с ним и Наркес апа, усаживаясь впереди на раму. Они бывали не только в районе, но и в соседних деревнях. Однажды они привезли мандолину.

— Вот, апам [3], купил в подарок Наркес,— сказал Исанбек абый и принялся настраивать инструмент.

— Разве она умеет играть на мандолине? — спросила мама, явно не одобряя подарка.

— Не умеет, так научится.

Видно было, что Наркес апа чувствовала себя в этот момент неловко — стояла, отвернув-

---

[1] Килен — невестка.
[2] Биана — свекровь.
[3] Апам — тетушка.

шись к окну, делая вид, что рассматривает что-то на улице.

На другой день, после очередной совместной прогулки на велосипеде, Исанбек абый привез толстую книгу. Книге больше всех обрадовался я, но читать тогда по-русски почти не умел, ничего в той книге не понял, в памяти осталось только ее название: «Анна Каренина».

А скоро в ясный солнечный день мы пошли по ягоды. Наркес апа захватила с собой мандолину, Исанбек абый — ту толстую книгу. У меня же в руках большая чашка и банка. Посидели по пути под горой, в густой траве, потом Наркес апа попыталась играть на мандолине, а мы — я и Исанбек абый — показывали ей, где и как надо нажимать пальцами на струну. Но ничего не получилось. У Наркес апа способностей к музыке, видно, никаких не было.

Оставили мандолину там, где сидели, начали собирать ягоды. Наркес с Исанбеком абый ходили рядом, разговаривали, шутили. Вот уж и солнышко скатилось к западу, я наполняю второй раз чашку, а они вдвоем никак не могут одну банку собрать. Ох, уж эти взрослые! Только и умеют, что ругать маленьких, будто сами очень умные и деловые.

Наконец они подошли ко мне.

— У! Так-таки наполнил чашку?! — удивилась Наркес апа, пытаясь улыбнуться.— А мы... Вот.

— Ха-ха-ха! Даже банка неполная,— с удовольствием захохотал я.

— Разве можно смеяться над взрослыми?— Наркес апа сделала вид, что обиделась...

Исанбек абый взял в руки мандолину, ударил по струнам, но мандолина задребезжала.

— Что с ней? — спросил я испуганно.

— Что такое? — спросила и Наркес апа.

— Мандолина... треснула.

— Я ее не трогал,— поспешил я оправдаться, увидев, что мандолина действительно лопнула по всей длине.

Исанбек абый снова тронул струны, звучавшие недавно так приятно, но они задребезжали.

— Так и не успела научиться,— подосадовала Наркес апа.

— Жаль,— сказал Исанбек абый.

Наркес апа взглянула на Исанбека абый и опустила глаза.

* * *

Утром Наркес апа повеселела. Смеялась и шутила с Исанбеком абый. Он вырвал у нее какую-то книгу, и Наркес апа ударила его по рукам. Мама с удивлением посмотрела на них. А на другой день я слышал, как она говорила соседке:

— Что-то очень странно они вести себя стали. Можно подумать — джигит и девушка или даже жених и невеста. Тебе бы поговорить с Наркес. Она, кажется, не понимает кое-чего по молодости. Скажи ей, что вести себя так ей не к лицу.

— И в самом деле, получается нехорошо,— согласилась соседка.— Беспроволочный телефон уже и так по всей деревне шепотки разносит.

— Боже сохрани! Быть не может...

— Говорят: чтобы знать, что творится в твоем доме, надо спросить у людей.

То ли мама донесла до Наркес апа эти вести, то ли по другой какой причине, но я не помню, чтобы потом повторялись подобные вольности. Прекратились и прогулки. А скоро мое сердце все чаще стало терзать предчувствие близкой разлуки.

В конце августа они разъехались — Наркес апа учительствовать в ближнюю деревню; Исанбек абый в другую, дальнюю. Наркес апа приезжала почти на каждый выходной, Исанбек абый не появлялся и приехал только в середине декабря.

Вошел он в дом наш с котомкой за плечами и сказал, что только переночует — захотел попрощаться перед уходом на фронт.

Раздевшись, Исанбек абый потянулся к мандолине, висевшей на стене и, будто бы проверяя, попытался наиграть что-то. Но нет, мандолина дребезжала.

— Эх, Анис, Анис...

Можно подумать, это я был виноват.

— Сыграй-ка, пожалуйста, на баяне.

И, крепко задумавшись о чем-то, долго-долго слушал мою игру. Потом написал кому-то письмо, заклеил конверт, надписал адрес.

Вечером попили чаю, постелили на полу. Улеглись рядком и почти всю ночь разговаривали. Все мы жалели Исанбека абый, а он нас. А когда узнал, что нам не удалось заготовить хлеба на зиму, стал давать какие-то несуразные советы.

— Что ты скажешь, тетушка, если я захвачу с собой в город Аниса?

— А кому он там нужен?

— Надо баян продать.

— Баян? — спросил я и вскочил с постели.

— Да.

— Его мне оставил Ильдархан абый. Велел беречь.

— Он не будет тебя ругать за это. Поневоле продаем, чтобы вы без хлеба не остались.

— Нет, я не дам продавать баян,— сказала мама.

— После войны другой купите. А так — что будете есть весной?

— Траву,— ответил я.

— А пока трава вырастет?

Я замолчал, не зная, что ответить. И мое молчание, видимо, приняли за согласие. Мама сказала мягко:

— А сумеет ли он продать баян? Как же ребенку поручать такое дело...

— Говорю же вам, я захвачу его с собой. Сам же и продам. А потом хорошенько зашью ему деньги в карман под фуфайку, и пусть себе песенки дорогой распевает. Никаких забот вам не будет с хлебом, не только на весну, до осени хватит.

— У мужчины голова все-таки лучше работает,— сказала мама, соглашаясь с Исанбеком абый.

А я не знал, что делать. Если и стану я твердить: «Не дам продавать»,— пользы от того никакой, потому что домашние мои заговорили уже о другом, а это значило — вопрос о баяне решен окончательно. «Нет, нет, все равно никуда я не пойду!» — сказал я себе твердо и с этим уснул.

А когда открыл глаза, увидел: Исанбек абый давно уже встал, оделся и стоял около меня.

— Айда, джигит, вставай да поторапливайся.

Мне не столько поспать хотелось, сколько не хотелось идти в город. Едва сдерживаясь, чтобы не заплакать, я встал с постели.

— А во что я оденусь? И обувки у меня нет никакой.

— А в чем ты ходил до сих пор?

— В лаптях...

— Так и надевай свои лапти.

— Протерлись.

Однако Исанбек абый не отступал.

— Может, от братьев осталась какая-нибудь обувь? Ботинки там или еще чего.

— Так я их уже износил.

— Сапоги остались. Еще крепкие,— быстро подхватила мама и тут же пошла в чулан, принесла оттуда пару сапог.

— На-ка, примерь.

— Смотри ты, хромовые!

Огорчившись, что все-таки придется пойти в город, я намотал на ноги тряпки и обул сапоги. Сапоги рассохлись, скрипели, загрубевшая складка крепко давила на ступню, на сгибе один сапог лопнул — ясно было, что очень скоро я натру мозоль и... тогда вернусь с дороги в деревню. Это-то мне и надо было. А пока делаю вид, будто не противлюсь тому, что велят взрослые.

Мы положили баян в футляр, поставили его на саночки и отправились в дорогу.

Санки тяну я, Исанбек абый с котомкой за спиной идет рядом. Не успели мы выйти за деревню, как я начал жаловаться, скулить, что сапоги трут ноги, что мне тяжело.

— Нет уж,— говорит Исанбек абый,— раз вышел в поход, шагай, пока не свалишься.

— Ты не ходи. Возвращайся обратно на свой завод,— посоветовал я.

— Эх, братишка ты мой, братишка! Мал ты еще, не понимаешь. У каждого человека есть чувство долга, оно и велит идти. А еще совесть, и она не дает человеку покоя.

Деревня осталась позади. Исанбек абый снял с плеча котомку, положил ее на санки и взялся вместе со мной за веревку. Теперь мне стало легко, но ноги с каждым шагом болели все больше и больше. Видно, Исанбек абый почувствовал, что я страдаю,— как только мы прошли лес и вышли в открытое поле, он остановился.

— В самом деле, что ли, болит?

— Если б не в самом деле...

— Нет, ты просто не хочешь продавать баян,— сказал он, глядя на мои ноги.

— И это тоже.

— А с голоду умереть согласен?

— Согласен.— Увидев изумление на его лице, я добавил: — Мама говорит, что раз вся страна, все люди страдают, то и мы...

— Да вы, я вижу, умирать приготовились. Раз такое дело, то ничего не остается, как сложить руки и ждать, когда пожалует смерть...

— А баян все равно продавать не стану. Если даже и умирать придется.

— Пошел же со мной...

— Ты велел, потому и пошел.

Постояли молча, а потом вновь тронулись в путь. Чем дальше мы уходили от леса по открытому полю, тем сильнее становился ветер — проникал под фуфайку, злее мороз — колол шею между шапкой и шарфом, пронзал, казалось, все тело. А впереди уже мела метель. Как хорошо, как уютно сейчас в деревне, защищенной от ветров лесом! Не ценил я этого раньше, не ценил...

— Слушай, Анис,— сказал вдруг Исанбек абый, остановившись.— Я ведь забыл свое письмо.

— Какое письмо?

— Писал вчера вечером... Ильдархану.

— Тогда... я его отправлю! Сейчас пойду домой и отправлю!

От радости, что в голову пришла такая мысль, я даже не заметил, что кричу.

— Да ты не кричи так, а то буран разозлишь,— сказал Исанбек абый и рассмеялся.— Хитрец!

И я, впервые после того как мы вышли в путь, поднял глаза и посмотрел Исанбеку абый в лицо. Ресницы и брови его покрылись инеем, лицо мокрое, завязки у шапки-ушанки обледенели. А сколько нам еще шагать! Мы лишь в самом начале пути. Но мне надо пройти десяток километров, а ему? Ах, чего только не увидит его бедная головушка! Чего только не увидит! Исанбек абый...

Я не мог тогда выразить свои мысли, но чувствовал, очень остро чувствовал тревогу и все ниже склонял голову. И казалось, что вьюга стала тише, слабее свист ветра, теплее и телу от слов, задушевно сказанных Исанбеком абый.

— Письмо я написал Ильдархану. Лично ему. Так ты уж, пожалуйста, смотри, как бы оно не попало по ошибке в другие руки. Ладно?

— Я сегодня же схожу на почту и отправлю. Если сегодня не успею, то завтра утром.

— Знаешь что...— Исанбек абый помолчал.— Вот отправлять его, пожалуй, и не стоит.

— Как не стоит? Что же мне тогда делать с ним?

— И не знаю.

— А сам написал...

— Думаю, я не совсем прав... Думаю, Ильдархан будет очень крепко ругать меня.

— За что же это он станет тебя ругать?

— Не могу объяснить тебе, не могу. Не знаю, что из всего этого получится.

Я ничего не понимаю и смотрю Исанбеку абый прямо в глаза. Вернее сказать, я кое-что понимаю, но поверить в это не могу. Речь идет, конечно, о тех прогулках и о тех шепотках, что летом ходили по деревне. Исанбек абый и Наркес апа... что же еще. И понятно, я не надеюсь, что взрослый человек станет рассказывать мне об этом. Намекни же я о своей догадке — вполне могу очутиться в неудобном положении, запросто опозорюсь перед ним. Нет, наверно, не об этом. Но Исанбек абый отводит глаза в сторону, лицо словно виноватое...

— Тогда я отдам письмо Ильдархан абый, когда он вернется.

— Эх, понял бы он, смог бы понять!

Слова эти он говорит не мне, а самому себе. Ну да, просто думает вслух и решает, как ему поступить. Я вижу, как трудно ему прийти к какому-либо определенному решению, и мучаюсь, жалея его.

— Давай тогда... порвем, что ли?

— Порвать нельзя. Нет, рвать тоже не годится. Если он не будет знать правды, то я окажусь подлецом перед ним, трусом, недостойным даже уважать самого себя.

Этих слов я уже и вовсе не понимаю и почему-то не стараюсь понять. Не знаю только, отчего слова эти помнятся мне совершенно ясно до сих пор. И потому я стараюсь сделать теперь из них кое-какие выводы. Да ничего у меня из этой затеи не выходит. Правильно ли он поступил тогда? Следовало ли мне помочь ему? И как? И зачем теперь ругать его, осуждать или оправдывать?..

— Знаешь, что надо сделать,— сказал он наконец решительно.— На войне может случиться всякое. Предугадать здесь что-нибудь невозможно. Так что не посылай ты пока письма. Если он погибнет,— тут он, видимо, сообразил, что получилось жестоко, и заторопился, закричал почти: — Война же, многие погибают! Ай, братишка мой, многие погибают, очень многие, как бы мы их ни жалели, а погибают! И нам останется только одно: надеяться, терпеть, ждать, по-мужски переносить горе. Терпи и ты, терпи!

— Угу...— Я стараюсь удержать подступившие к глазам слезы и не могу сказать в ответ ничего внятного.

— Вот так. Если суждено ему погибнуть, пусть умирает без... раны в сердце.

— Эй! Да...

— С тобой, оказывается, можно разговаривать как со взрослым. Умный ты парень, Анис. Молодец! Так и решим: если он вернется живым-здоровым, то отдашь ему письмо, но только если найдешь это нужным.

— Но почему так, почему?!

Исанбек абый понял, что сказал не совсем ладно, и смутился:

— Да так... в общем... отдашь только в случае, если он будет сильно переживать. Идет? Сумеешь?

— А что ж тут такого?

— Тогда еще одна просьба к тебе. Сам ты этого письма не читай. Договорились?

— Ладно.

— Хватит терпения?

— А что ж тут особенного?

— Ну, а если погибну...

— Исанбек абый!

— Мы же договорились — правды не бояться.

— Не боюсь я, да ведь...

— А раз так... Подожди, что я хотел сказать еще тебе? Да, вот что: если я погибну, ты уж прости тогда меня за все. И Ильдархану скажи, я верю, что он поймет меня. Исполни мою просьбу.

— Конечно... я исполню все.

— Спасибо.

Исанбек абый похлопал меня по спине, а я посмотрел на него в последний раз, чтобы хорошо запомнить его лицо, и увидел в глазах слезы. Разве могло мне в голову прийти, что взрослый человек, мужчина, сильный и умный, может плакать?.. Если бы кто сказал мне об этом, я просто бы не поверил. Исанбек абый! Ай, Исанбек абый... Как же мне помочь тебе? Как мне сделать то, что не могут сделать сами взрослые?

— Ладно, прощай. Передай привет матери.

— Передам.

Он отошел на несколько шагов вперед, я сделал один-два шага назад и остановился. Я не мог не поглядеть ему вслед. Обернулся и он. Стоим, молчим. Сколько так простояли, не помню, но вдруг он шагнул ко мне, а я к нему. И он снова обнял меня. Обнял и молчит. Метет пурга, неистово стонет ветер, словно плачет о нашей разлуке, словно чувствует, как тяжело и больно моей душе, а мы под этот стон и свист стоим, обнявшись, молчим.

— Ну, прощай и будь здоров, братишка!

Повернулся и чуть ли не побежал от меня.

...Ах, видел бы кто-нибудь, как прощались они, эти двое, посреди белой равнины, равнины, протянувшейся на тысячи километров.

И вот на ней, покрытой белым снегом, саваном-снегом, в буранной метели возле маленьких санок, стоит двенадцатилетний мальчишка и плачет. А его брат с дорожной котомкой за плечами уходит все дальше и дальше. Один уходит, уходит, и не различить даже котомки за спиной, он неясный силуэт, и он теряется, исчезает, а мальчик стоит, и только в памяти его останется он, этот другой человек, на всю жизнь. Двое в бесконечной степи, в белой бескрайности...

Продолжение следует.

Перевел с татарского Н. НЕФЕДОВ.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

Есть люди, о которых с полным правом можно сказать: особых примет нет. Евгений Петров был очень приметен, обладал счастливой внешностью,— он шел по улице, и прохожие оглядывались на него. Смуглое его лицо освещалось яркими глазами, движения были быстры и изящны. От его фигуры веяло силой и здоровьем. Казалось, что судьба отпустила ему по крайней мере сто лет жизни. Ему не было и сорока, когда он погиб.

Обстановка, в которой он рос, отлично описана его старшим братом Валентином Катаевым в повести «Белеет парус одинокий», и тут добавлять нечего и незачем. Можно только сказать, что старший брат, несомненно, оказал большое влияние на духовное развитие, литературный вкус и внутренний мир младшего.

Встреча и знакомство с Ильей Ильфом сыграли огромную роль в творческой жизни Евгения Петрова. Они познакомились и подружились не в родной Одессе, а в Москве в 1925 году. Ильфу было 28 лет, Евгению Петрову — 22. Оба писали фельетоны — веселые, озорные. Объединившись, фельетонисты создали третьего писателя, получившего соединенную фамилию — «Ильф и Петров». Слава этого третьего скоро воссияла ярким светом — появился сатирический роман «Двенадцать стульев», а за ним продолжение — «Золотой теленок», быстро завоевавшие признание широкого читателя.

Возникшее содружество не означало, что работать стало вдвое легче, напротив — вдвое тяжелее.

В воспоминаниях об Ильфе Евгений Петров рассказывает: «Мы отдавали друг другу весь свой жизненный опыт, свой литературный вкус, весь запас мыслей и наблюдений. Но отдавали с борьбой... Литературный вкус иногда осмеивался, мысли признавались глупыми, а наблюдения поверхностными. Мы беспрерывно подвергали друг друга жесточайшей критике, тем более обидной, что преподносилась она в юмористической форме. За письменным столом мы забывали о жалости...

Свою последнюю совместную книгу «Одноэтажная Америка» И. Ильф и Е. Петров создавали по-другому — 20 глав написал Ильф, 20 — Петров, и только 7 глав написаны совместно.

Я помню Евгения Петрова и Илью Ильфа по совместной работе в «Правде» в тридцатых годах, когда они часто выступали со своими блестящими фельетонами, такими, как «Веселящаяся единица», «Директивный бантик», «Клооп»... Забыть эти фельетоны нельзя — они до сих пор стоят перед глазами.

Фельетонисты обычно приходили под вечер — впереди Евгений Петров, красивый, веселый, сильный, за ним Ильф — близорукий, покашливающий, с лихорадочным румянцем на щеках. Секретарь редакции встречал их неизменной воркотней: «Где вы шляетесь? Редактор рвет и мечет»... Обычно фельетоны шли в набор с ходу, но иногда приходилось вносить поправки и переделывать. Тогда фельетонисты запирались в отдельной комнате, и оттуда слышались шум, споры и разные ядовитые слова.

Они оба — Ильф и Петров — были, как они сами говорили о себе, прожженными газетчиками и очень любили журналистскую работу.

Незадолго до войны Евгений Петров стал редактировать «Огонек». Он был отличным редактором — инициативным, деятельным, строгим, требовательным и добрым. Он внушал к себе и уважение и любовь.

Во время войны он надел военную форму и ушел на фронт — корреспондентом, фронтовым газетчиком. Он был на переднем крае во время боев под Москвой, в Заполярье, в осажденном Севастополе. Севастополю посвящен его последний очерк «Прорыв блокады». Возвращаясь из Севастополя, он погиб в авиационной катастрофе...

Более 30 лет прошло с тех пор. Как много дал бы советской литературе этот жизнерадостный, мужественный, глубоко талантливый во всех проявлениях своей натуры человек — Евгений Петров, писатель и воин!

Ник. КРУЖКОВ

ВАРШАВ

Аркадий **КУЛЕШОВ**

1

Покуда в теле теплится душа,
Не верю в благость божьего чертога,
В иную жизнь, что райски хороша.
Варшавский шлях, варшавская дорога,
Тебя зову на помощь, а не бога,
Строкой, что просится с карандаша.

Ты к западу спешишь в согласье полном
С дорогами другими. Ты преград
Не знаешь, даже океана волны
Твой сухопутный бег не прекратят:
Отыщешь трап, оставишь след широкий,
Винтами грунт соленый разгребешь.

Когда же ты планету обогнешь
И сызнова возникнешь на востоке,
Как вестник дружбы, как ее связной,
Раскинь привал в лесу под скромным
Довском
И разложи костер.
Мы в час ночной
Поговорим о жизни, о Твардовском.

Был земляком твоим он и моим.
Начнем под сосен неумолчный гомон,
Под шум огня, что переходит в дым,
Наш разговор — он так необходим.
Начнем...
Да будет он запеленгован
И лесом и подлеском молодым.

2

Мой шлях! Еще не убраны обломки
Войны — осколки, щепки, головни.
Нас, проступая грустно сквозь потемки,
Как памятники, окружают пни.
Шумели тут вершины боровые
И — ствол к стволу — гудел лесной орган.
Он смолк, как песни те, что под курган
С собою унесли певцы былые.

С таким и наш земляк встречался горем.
И сам он был познавшим бурю бором,
Органным эхом бед, побед, тревог.
Мой шлях! Того не рассказать и хором,
Что он один еще сказать бы мог,
Когда б, как бор сраженный, не полег...

Смертей немало изобрел наш век.
Лекарств от них не знает человек.
Хвораем мы, хворает наше время,
Хворают реки, берега больны.
Земля несет одной заботы бремя,
Как выжить ей, как избежать войны,
Мир исцелить от распрей и от злобы.

Но нелегко развеять старый страх,
Покуда стратегическим, особым,
Объектом все ты числишься, мой шлях.

3

Как мы, озябшие ладони грея,
Сидел бы с нами у костра земляк,
Когда б не перепол дорогу рак
С треклятой похоронкою своею.
Не тот, чьи в речке зыблются клешни,
А тот, незримый, что ползет нередко,
Переходя твой путь, живая клетка,
Век превращая в считанные дни.

Откуда он берет свое начало?
Быть может, под прикрытием брони
Проник он в клетки? А пора настала,
Приноровился, не подняв забрала,
Питаться ими на правах родни?
Поэты... Им ли привыкать к дуэли?
Не страшно гибнуть, поражая цель.
Страшней, когда, не вызвав на дуэль,
Тебя тайком настиг в твоей постели
Палач, врачам невидимый досель.

Откуда взялся смертоносный вирус,
Безжалостен, пронырлив и упрям?
Он, может, из войны все той же вырос
И устремился по ее следам,
Чтоб снова пополнялась картотека
Надгробных плит
на всех погостах века.

4

Пускай костра ночлежного искринки
Не гасит пуль трассирующих рой!..

Тут некогда в жестоком поединке
Схватился наш земляк с напастью той.
Жизнь или смерть? Дуэль стихов с крестами.
С войною, не командуя фронтами,
Мой шлях, на всех фронтах он вел бои.

С руками коваля, с душой жнеи
Не раз он тут солдатам нес утеху,
Их шуткой веселил, чтоб от войны
Отвлечь на миг,— и нет его вины
В том, что, случалось, врал им ради смеху.
Но никогда не лгал он ради лжи.
Не ради славы брал он рубежи,
Успех пророча, звал на подвиг всех он
Чернорабочей
книгой про бойца,
Дочитанной не всеми до конца...

С душой жнеи, с руками коваля,
Когда вздохнула радостно земля,
Он за бессмертным пламенем салюта,
Как за последним валом огневым,
Шагал с бойцом живым и неживым
И плакал в ту победную минуту
За всех и с каждым,
с каждым, как с родным.

5

Он в мир вошел той памятной порой,
Когда заря встречается с зарей,
Когда июнь купели осеняет
Земным трудом...

Кладбищенский окоп
Из рук усталых ношу принимает.
Кто слезы льет, кто слезы утирает.
На месте поп, на месте землекоп.
А кто, хоть ритуалу не перечит,
Все норовит пробраться в первый ряд,
Позирует, наивной мысли рад,
Что, может быть, его увековечит
На панихиде фотоаппарат.

А в этот час, не чувствуя утраты,
Струится Днепр и лижет сушу Сож.
Пускай ни в чем они не виноваты,
Как ты и я, мой шлях, а все ж, а все ж...
А все ж в прощальный миг его ухода
Потрясено сознание мое
Тем, что, как прежде, хороша природа,
Что больше не увидит он ее,
Что шум листвы над приднепровским краем
Не шевельнется в нем стихом живым,
Мой шлях!..
Над памятью его склоняем
Я — горькую строку,
ты — горький дым.

6

На кладбищах порой одно и то же
Читаем обращенье на камнях:
«Кто б ни был ты, остановись, прохожий.
Молчанием своим почти мой прах.
Я — дома, ты еще — в гостях».

Отгостевав, земляк наш ныне дома —
В бессмертии. А там порядок строг.
Никто из тех, что были с ним знакомы,
Теперь не перейдет его порог
По праву и обычаю былому.

Да, не гостить уж нашим песням там,
Но, может, вырастет средь них такая
Когда-нибудь, что, в песне узнавая
Наш голос, он из дома выйдет сам
Навстречу ей, признательный друзьям.

Мне горько оттого, что не хватает
Не нас ему сегодня, нам — его.
Нам было с кем беседовать, с кого
Брать совести пример, и поделиться
Работой было с кем...
О, почему,
Скажи, мой шлях, так вышло, что ему
Не снимся больше мы, а нам он снится?

Таких, как он,
уйдя за небосвод,
Одна заря другой передает.

7

Я не огонь ночлежный разжигаю
В честь земляка.
Какой уж тут обряд!..
Не самого себя ли провожаю?
Нет дыма без огня, как говорят.
Мы — люди фронтового поколенья,
Сплетенные, как звенья тех времен.
И оттого так горько удивленье,
Что я в гостях еще, что дома он.

Я слышу в час веселья не впервые,
Как некто шепчет, вкрадчив и упрям,
Сквозь чад застолья:
— Гости дорогие,
Хозяева не надоели вам?
И я, внимая голосу чужому,
Все думаю в такие вечера:
А может, впрямь до хаты мне, до дому,
Уже, как гостю позднему, пора?
Не так ли наш знакомец дед Данила
Пожитки собирал на склоне дней?

Тут, где меня поляна приютила,
Мой шлях, усну я на груди твоей.
Пора! Дорога неизбежна эта...
Лечу, почти уверен, что смогу
Свою печаль на нашем берегу
Оставить навсегда,
как звук
ракета.

8

Во сне все это или наяву?
Прощай, прощай, дорога дорогая,
Тебе оставлю самого себя я
И кочку в изголовье и траву.
А все же я, пока лечу, живу!

СКИЙ ШЛЯХ

Лечу, упрямо отвергая веру
В иную жизнь, в таинственную сферу...
В краю, где не дано мне быть живым,
Там не дано и самому Гомеру
Сказать о том, что отлетело с ним.
Остаток дней уже вдали маячит,
Еще мне не чужих и дорогих.
Летит моя слеза, и о своих
Ромео и Джульетте — сердце плачет.
На чутком острие карандаша
Летит моя печаль, моя душа.
А вместе с нею стих летит, тот самый,
Единственный, как некий эпилог
Задуманной, но нерожденной драмы.
Мне б написать ее! Да краток срок.
И век летит — всем ненадолго данный,
Войне подвластный, хвори и врачу...

У костерка, среди лесной поляны
Я не лежу. Я вместе с ней лечу!

9

Чем укорочен век его? Войной?
Смертельною болезнью? Нет, не это...
Самозабвенный труд. Судьба поэта.
Поэзия.
Вот кто всему виной.
Та одержимость косит исполинов,
Как молния, сжигающая лес.

Не верю я, что Пушкина Дантес,
Что Лермонтова некогда Мартынов
Убил. Не верю.
Их сперва сразила
Поэзия. А пули шли — за ней.
Есенина — она. Петля — поздней.

Поэзия. Она одно твердила
Всем тем, кто с ней отправился в поход:

«Нет, не широк он, мир, для мыслей тесный.
В нем истины стареют, что ни год.
Пусть душу разрывает звук железный,
А ты за все в ответе, мой болезный,
За славу, за державу, за народ.
Будь зорок, разгляди орлиным оком,
Откуда приближается беда.
Меня избрав, ты должен быть пророком.
А не пророком,
кем же быть тогда?
Не бойся громкой миссии пророка.
Не бога он, а сущей правды око.

10

Спасай людей от лютых мук,
их души
От злобы и насилья защищай.
Отдай им радость, сам возьми печаль,
Тепло отдай им, сам привыкни к стуже.
Иди, вещун, по морю, как по суше,
Туда, где рана жгучая свежа.
Где только что оплакали утрату.
Спеши туда. Над бездной по канату
Пройди, как бы по лезвию ножа.

Умерших чти, храни могилы их.
С семьею предков не живи в разладе,
Не забывай, что мертвых на параде,
На перекличке больше, чем живых.
Они — минувший век в твоем столетье,
И города в огромных городах,
Которые росли на их костях.
Ты их наследник, ты за все в ответе:
За села в селах, за века в веках.
Твой рог трубит, бессонный взор открыт,
Ты сам горишь, когда Земля горит».

К людским делам причастностью святой
Поэзия его испепелила.
Испепелив, навечно поселила
В своем дому, за некою чертой.

11

Он цену знал словам простым, бесценным,
И руку подавал лишь той строке,
Что выходила в путь не налегке —
С весомой мыслью, с чувством
сокровенным.

Его делянка всем теперь видна.
На ней приметных вех и дат немало,
Их властью, что поэзии дана,
Его живая муза утверждала.

Две кузницы — две вехи жизни той.
Одна из них — в краю уральском, горном.
Другая кузница — в глуши лесной,
Землячка наша с дымным сельским горном.
Но путь от жаркой кельи коваля,
Что черной жестью от огня обшита,
До рудных гор —
еще не вся земля,
Не вся окрестность, та, что им обжита.
Она — и укрощенье Ангары,
С тротилом, ревущим грудь прибрежным
скалам,
Она — тоннель, что в глубине горы
Поет и днем и ночью под металлом.
А там, а там опять за далью даль,
Шеренга шпал бетонных, гулких, серых.

И снова даль, прощальная печаль —
Заполненный товарищами берег...

12

Мой шлях!
На всех скрещениях твоих,
Что с высоты подобны осьминогу,
Стоит божок, связующий дорогу
Юдоли грешной и небес святых.
Не так уж он и требует поклонов
И не такой уж лекарь он от бед
Теперь, когда богов низринул свет
С былых крестов, с хоругвей и амвонов.
Но, удержав дорожные посты,
На месте он покуда остается,
Порой святит распятием колодцы,
Не ведая, что бог не он, а ты.
Он временный. Ты вечный и законный
Связной сердец.
Он мертв уже. Ты жив!
Ты жив, ты мчишься, на бегу сменив
Покров песчаный на покров бетонный.
Ты лечишь раны, утоляешь боль,
Весь мир окольцевавшая дорога,
Надежный шлях.
И потому позволь
Тебя призвать на помощь, а не бога.

Мне душу ранит горькая юдоль
Всех тех, что, веря в древние скрижали,
В молитвах, на кладбищенских камнях,
Свет замогильный д о м о м называли...

13

Не верю я в тот вечный дом, мой шлях!
Я только путник, временный, конечно,
Как все, а все же вечно, вечно, вечно
Я быть хотел бы у тебя в гостях.

Когда бы все, кто там, в кромешной мгле,
Нашли обратный путь в наш мир зеленый,
Они бы благодарные поклоны
Не богу отбивали, а земле.
Земля одна для всех, кто там, кто тут,
Надежда, справедливость, человечность.
И в ней одной — их вечность и невечность.

Она для всех — единый высший суд.
Все отшумит: пустая слава, мода,
И жить лишь те останутся слова
И помыслы, которым слаще меда
Банкетного была полынь-трава.
Растет полынь в окопе, у землянки,
И там, где пни корчуют тягачи.
И только не растет на той делянке,
Где не работу делят, а харчи.

Не за наживой легкой, а на подвиг
Шел наш земляк, чей полновесный стих
Трудом добыт и вдохновеньем поднят,
Как самородок
из глубин земных.

14

Примеру этому рекомендаций
Не надобно моих да и ничьих,
Ни для читателей, ни для редакций.

Пишу о нем согласно прав иных,
Мой шлях!.. И не затем, чтоб скорбь
суровой
Утраты нашей приглушить стихом
Хотя б на время.
Не скажи я слова
Теперь, как знать, смогу ли я потом?
Потом, потом... А вдруг его не станет
Вот этого п о т о м?
И потому
Пишу теперь, пока я на поляне,
У моего огня, в сквозном дыму,
Пока на это пламя, тьму сгущая,
Холодный пепел времени не лег...

А догорит костер, прошу тебя я,
Подписывать не надо некролог.
Вновь разложи огонь под скромным
Довском
И без меня со странником другим
Поговори о жизни, о Твардовском,
Как мы с тобой сегодня говорим
На месте том, где бушевала битва...

Пусть наша память вечная о нем
Возносится, как жаркая молитва,
Сложив
ладони дыма
над огнем.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Мой шлях, ты всех переживешь —
меня,
Тома стихов, друзей, любимых мною.
Но если вновь не избежишь ты дня,
Чреватого последнею войною,
Сраженнем добра с тем самым злом,
Которое у Бреста, под Москвою
Мы в сорок первом смертным жгли
огнем,—
Тот день
и нашим будет судным днем.

Тогда меня ты вспомни, как солдата,
Прости грехи, коль в чем повинен я,
И все ж не дай под дулом автомата
Злу гнать мой стих на минные поля.
Не дай, чтоб за моей спиной, зверея,
Оно росло и в наступленье шло.
Позволь, чтоб стих мой миной был твоею
В бою, где захлебнется кровью зло.

Ты в судный день позволь стиху взорваться
И самому свершить свой правый суд.
Позволь ему погибнуть, чтобы тут,
Где я теперь живу, ты мог остаться.
Чтоб здесь, где не напрасны были муки,
Где тяжкий труд не обратится в прах,
Ты, сын земли, всю Землю принял в руки.
О том тебя молю,
Варшавский шлях!

Авторизованный перевод с белорусского Якова ХЕЛЕМСКОГО.

МАГНИТНОЕ

ПО ВЕЛИКОЙ КАМЕННОЙ РЕКЕ

Людмила ТАТЬЯНИЧЕВА,
Сергей СМЕЛЯНСКИЙ.
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.
Специальные корреспонденты «Огонька».

СКАЗ ОБ УРАЛЕ

В глухую пору предзимья, когда тяжелое, сырое небо рваными облаками цепляет верхушки сосен, горное озеро Увильды упрямо продолжает излучать синий свет такой прозрачности и чистоты, что на десятиметровой глубине можно разглядеть небольшой камушек.

Южный Урал называют краем синих гор и синих озер. Но и металл, который плавится в домнах и мартенах этого удивительного края, тоже отблескивает синевой.

...На привокзальной площади столицы Южного Урала — Челябинска — высится могучая скульптура из зерен строгого серого гранита. Бородатый богатырь, опираясь на тяжелый молот, спокойно и с достоинством несет бессменную вахту. Скульптор Виталий Семенович Зайков свое произведение назвал «Сказ об Урале». Не просто «Урал», а именно «Сказ об Урале»!

Могучий облик Урала-труженика емок, внутренне завершен. И говорит он не только о прошлом и настоящем. В нем угадываются и будущие черты, которые прорисуют время, события, люди. Именно люди постоянно обогащают и изменяют облик своего края. Много замечательных страниц будет вписано еще в героический Сказ об Урале — этой удивительной земле, где шахтер, кузнец, сталевар, камнерез веками определяли пульс жизни.

...Первые строки богатырского сказа вписали работные люди демидовских заводов, вдохнувшие в кузнечные горны живое пламя. В литых строчках этого сказа можно услышать и дробный топот лихой пугачевской конницы, и монотонный кандальный звон, и победный шелест красных Октябрьских знамен. А как раскованно, многоязычно звенит трудовая музыка первых пятилеток! На века, металлом и кровью вписаны главы о трудовой доблести южноуральцев в суровые годы Великой Отечественной войны. Вспомним одну лишь цифру: свыше пятидесяти тысяч советских танков были одеты в магнитогорскую броню! Металлурги Магнитки, Челябинска, Златоуста, Аши, Кыштыма день и ночь плавили металл, ковали грозное оружие. Мозолистые, израненные руки старых рабочих, женщин, подростков вплетали в сказ трудовые строки.

А гигантский размах послевоенных пятилеток! Без них немыслимо представить сегодняшний день «опорного края державы».

С монументальной скульптуры на привокзальной площади начинается для приезжего человека духовное общение с Челябинском, постижение его индустриальной мощи.

ВЫСОТА

История скупо позаботилась о Челябинске, оставив потомкам лишь несколько полукустарных предприятий, две-три церкви да пересыльную тюрьму. Самая большая ценность, что пришла от прошлого,— живые революционные традиции, уральское мастерство да бережно хранимая память о героях большевистского подполья.

На Алом поле — одной из площадей Челябинска,— политом кровью участников гражданской войны, стоит прекрасный памятник «Орленок», изваянный рукой талантливого уральского скульптора Льва Николаевича Головницкого. В образе юного героя революции воплощена несломленная воля и боевая непреклонность уральских комсомольцев, их готовность к беззаветному служению Родине.

Гордость челябинцев — площадь Революции. Ее справедливо считают одной из самых просторных и красивых в стране. Монументальна, строга, многолюдна и в праздники, и в будни, в дневные и в вечерние часы... Через эту площадь проходит основная магистраль города — проспект имени Ленина.

Город строится «навырост». И все равно любые одежки быстро становятся тесными. Один из авторов этих строк, чья писательская судьба связана с Южным Уралом, помнит времена, когда о высотных домах на проспекте Ленина лишь мечтали в кругу зодчих: далекая перспектива градостроительства... Сегодня эти современные здания воспринимаются как неотъемлемая часть проспекта и всего города. Проспект этот, протянувшийся на несколько километров, берет начало у ворот ЧТЗ и завершается у стен корпусов Политехнического института, в котором, к слову сказать, обучается свыше 20 тысяч студентов. Можно согласиться с мнением челябинцев, что у проспекта два равнозначных начала — Труд и Наука.

В Челябинске остро ощущаешь новизну жизни, обращенную в Завтра.

Молодой инженер-конструктор завода металлоконструкций Евгений Иванович Жериков, вспоминая недавнюю поездку в Москву, с удовольствием отметил:

— А знаете, металлоконструкции нашего завода столица применяет весьма широко. Примеры? Да сколько угодно! И в Кремлевском Дворце съездов, и в станциях метро, и в новом цирке, и в Останкинской телебашне — всюду «трудятся» металлоконструкции, которые выпускает наш завод...

Поговорите с любым челябинцем — рабочим, техником, инженером,— каждый из них приведет убедительные свидетельства первосте-

---

Долгую трудовую жизнь прожил Ефим Семенович Прилепский, бывший начальник смены железнодорожного цеха Челябинского металлургического завода. Сейчас в цехах завода трудится целая династия Прилепских — дети и внуки ветерана.

Миасс — город рабочий. Память о земляках, прославленных воинах-уральцах, свято чтут их сограждане.

На развороте вкладки: Челябинский трубопрокатный завод — крупнейшее современное предприятие. Еще несколько секунд, и новая труба большого диаметра сойдет со стана.

Первый подручный сталевара Челябинского металлургического завода Михаил Георгиев.

ПРИТЯЖЕНИЕ

ПЕРЕД ЖИЗНЬЮ БЕССМЕРТНОЙ ВАШЕЙ
СКЛОНИТ ЗНАМЕНА
НАРОД

пенного значения своего предприятия. И он будет прав: имя любого из челябинских предприятий пишется с красной строки. И спор, какой завод значительнее, непременно заведет в тупик. В самом деле, почему главное должно быть в единственном числе? В том, наверно, и заключается наше могущество, что главного у нас неоглядно много! Невольно приходит на память сравнение с горной цепью, где одна вершина под стать другой и каждая высота как бы подчеркивает и дополняет другую...

Всей стране известны челябинские гиганты — Тракторный, Металлургический и Трубопрокатный. Три богатыря! Впрочем, сразу же приходится отказаться от былинной символики: в этом почетном ряду необходимо назвать и электрометаллургический комбинат, выпускающий ферросплавы, без которых производство качественных сталей просто невозможно. И завод имени Колющенко нельзя обойти вниманием: во-первых, он единственный в городе с дореволюционным стажем, а во-вторых, что особенно важно, выпускаемые им бульдозеры, скреперы и другие превосходные машины известны чуть ли не всей планете.

Нельзя без волнения читать недавно изданную документальную книгу об истории Челябинского тракторного завода, который минувшим летом отметил свое сорокалетие. В годы войны его называли Танкоградом: он дал фронту 18 тысяч танков. Это героическая песня в Сказе об Урале...

Сейчас с главного конвейера нескончаемым потоком сходят тракторы Т-100 М. Их мощность — 103 лошадиные силы. Скоро начнется выпуск трактора новой марки — Т-130. Он на 57 лошадиных сил будет мощнее. В чертежах тракторы еще более сильные. Это машины завтрашнего дня.

На ЧТЗ живут по принципу: главное сделано, но главное еще впереди. Сейчас основная забота челябинских тракторостроителей — досрочно выполнить пятилетку. Токарь механического цеха № 3 Юрий Захарович Черезов взял обязательство выполнить пятилетний план за три с половиной года. Его почин поддержали свыше семи тысяч рабочих.

Большие свершения третьего, решающего года пятилетки определяют ритм жизни всего края.

Заместитель председателя Челябинского облисполкома Федор Маркович Шишкалов — магнитогорец, участник Великой Отечественной войны. Он более четверти века отдал партийной и советской работе. Отлично знает область, людей и с воодушевлением рассказывает о ключевых событиях сегодняшнего дня:

— Самое последнее крупное событие — пуск первой очереди стана 350/500 Златоустовского металлургического завода. Теперь там три прокатных цеха, причем новый — самый мощный.

Глубоким, чуть глуховатым голосом Федор Маркович продолжает:

— Знакомясь с нашей областью, иные товарищи не дают себе труда разглядеть за высокими заводскими корпусами широкие колхозные и совхозные пашни. А ведь Южный Урал — край большого хлеба, высокоразвитого животноводства и овощеводства. За успехи в сельском хозяйстве область награждена орденом Ленина. И даже в нынешнем, чрезвычайно неблагоприятном для урожая году, когда все было не ко времени — и жара и дожди, — труженики сельского хозяйства положили на общий стол Отчизны весомый каравай. И овощей собрали немало.

• • •

Но, как говорится, не хлебом единым жив человек.

Между металлом и песней существует связь, пожалуй, ничуть не меньшая, чем между металлом и хлебом.

Литературное объединение Челябинского металлургического завода, так же, как и литературная организация Магнитки, возникло почти одновременно с заводом. Оно одно из самых перспективных и творчески зрелых на Урале. Многие годы литобъединением руководил ныне известный поэт Валентин Сорокин, работавший в ту пору машинистом крана в сталеплавильном цехе. Сейчас «Горячий цех» возглавляет Вячеслав Богданов, также бывший рабочий завода, член Союза писателей, автор интересных поэтических книг. У Богданова немало хороших стихов о труде, о рабочем товариществе. Вот как он пишет о бригаде монтажников:

Нас двенадцать парней — вся бригада,
Славная монтажная братва.
И дрожит под нами эстакада,
На леса садится синева.
. . . .
За работой все мы на виду,
Как двенадцать месяцев в году!

МАСТЕРА КРАСОТЫ

На участке покраски непривычно тихо. После литейной, с напряженным гулом работающих печей, после чеканщиков, где дробный перестук чеканов сливается в непрерывный шум, эта тишина звоном отдается в ушах.

На длинных столах матово поблескивают еще не покрашенные отливки знаменитого каслинского литья. Изделия красят, потом помещают в обжиговые печи и снова красят. Молодой рабочий ловко достает из печи почти метрового Мефистофеля и предупреждает нас:

— Осторожно. Горячий, прямо из преисподней пожаловал!

Из другой печи, словно пироги с железного поддона, снимают более мелкие фигурки. От соседства с неуклюжими печами они кажутся особенно хрупкими и изящными. Глядя на чудесную отливку Мефистофеля или Дон-Кихота, на знаменитых клодтовских коней, невольно вспоминаешь слова Павла Петровича Бажова: «Против наших каслинских мастеров по фигурному литью никто выстоять не мог».

Уже более ста лет поражают мир своим колдовским мастерством каслинские умельцы. Именно колдовским, потому что нельзя иначе назвать это таинство «приручения» ломко-капризного чугуна.

Горы Южного Урала издавна славятся самоцветами. И резьба по камню здесь одна из древнейших профессий. Какой талант должен быть у резчика, чтобы высветить в изумруде солнечную грань или открыть, не испортив грубым прикосновением, глубинный узор в малахите! А сколько души, искусства, терпения надобно вложить мастеру в чугун, чтобы поднять его на высоту благородных металлов! Каслинское литье всегда достойно представляло российских умельцев на международных выставках.

Волшебство ветеранов перенимают и нынешние мастера. Дело это необычайно сложное, тонкое, хотя на первый взгляд кажется простым: формовка, отливка, чеканка и покраска — вот и все звенья производственного процесса. И рабочий инструмент незамысловатый. Руки, руки, творящие чудеса, — их ничто не заменит!

Есть в Каслях училище, где готовят формовщиков и чеканщиков. Мастер Александр Николаевич Вихляев рассказывает:

— Оба мои деда чеканщиками были. Вопрос о выборе профессии передо мной и не возникал. Кем же быть, как не чеканщиком? В училище попал к самому Михаилу Осиповичу Глухову. Слыхали про такого? Было у него чему поучиться: замечательный умелец и рисовал отменно. К слову сказать, настоящий чеканщик непременно должен рисовать, без этого никак нельзя. Теперь вот и сам ребят обучаю...

Александр Николаевич старается пробудить в своих питомцах чутье художника, позволяющее чеканщику привнести в отлитое изделие то самое «чуть-чуть», без которого поделка останется бледной копией, а не произведением искусства. Легкий удар чеканом, и глаз коня вдруг прозревает, косит горячим зрачком на всадника.

Спрос на каслинское литье огромный. К сожалению, спрос этот пока опережает производственные возможности цеха художественного литья Каслинского машиностроительного завода. Главный скульптор завода Сергей Павлович Манавников рассказывает о творческих поисках коллектива:

— Видели наши попытки сочетать чугун с уральским поделочным камнем? Каменная цветная подставка как бы оживляет фигуру, придает ей еще большую выразительность. Можно будет подумать и о более сложных сочетаниях, да вот только тесновато живем...

Тесновато — это замечено более чем скромно. О цехе художественного литья можно сказать словами известной песни: «Каким ты был, таким ты и остался». Но строка эта никак не ложится в Сказ о новом Урале. Хочется надеяться, что активный процесс обновления коснется и этого старинного гнезда, когда-то рассчитанного на одиночек, а не на большую и сильную стаю.

МЫ ДЕЛАЕМ «УРАЛЫ»

Многотонных богатырей с маркой «Урал» можно встретить в любом уголке нашей страны. Но чаще всего их встретишь там, где всего труднее: на северных нефтепромыслах. Они бороздят снежную целину, штурмуют раскисшие весенние дороги, продираются сквозь заболоченные участки. Отличная проходимость, прочность и выносливость давно снискали этим машинам большую славу. Делают их на Уральском автомобильном заводе в городе Миассе.

Заместитель секретаря парткома Миасского автомобильного завода Владимир Герасимович Костючик предложил:

— Давайте сначала литейный цех посмотрим. Мы его недавно реконструировали, расширили, новые печи поставили. Сейчас там прямо как в инструментальном: ни копоти, ни грязи. Впрочем, сами увидите... Конечно, это не металлургический завод, масштабы более скромные, но без стального литья наши «Уралы» и шагу не сделают.

Литейный цех действительно поражает непривычной для горячего цеха чистотой. Но поражает здесь не только внешняя чистота. Радует чистота работы.

...В кабинет к старшему мастеру Ю. А. Новикову заходят сталевары, кладут на стол образцы шлаков. Юрий Анатольевич придирчиво рассматривает их, и по лицу его нетрудно догадаться: мастер доволен.

— Вот ведь какие пироги, — говорит он, — что ни плавка, то что-нибудь новенькое. Сколько работаю, а двух похожих плавок видеть не довелось. У каждой — свой нрав... Добрый шлак, видите, цвет какой ясный. Это Володя Малишевский с первой печи. Хорошая сталь будет! Не зря говорится, что сталевар должен уметь шлак варить, ну, а сталь сама сварится!

Старший мастер приглашает нас посмотреть, как у Малишевского сталь идет — «он как раз плавку закончил». Ослепительная струя наполняет ковш. Гранеными звездами разлетаются искры.

— Сколько, Володя, сварил?

Парень устало стаскивает с головы каску, приглаживает мокрые от пота волосы.

— Нормально! Тонн шесть с гаком будет.

И улыбка высвечивает его лицо.

«Трактор» выходит на лед.

Челябинский железнодорожный вокзал — оригинальное архитектурное сооружение.

Владимир Малишевский пришел в сталелитейный подручным сталевара в 1965 году, когда цех после реконструкции давал еще первые свои плавки. Вместе со своим учителем, опытным сталеваром Алексеем Ивановичем Остапенко Володя выдал первую плавку, как говорится, «прогрел печь». А сейчас и у него свои ученики, а с Остапенко он соревнуется уже на равных.

...Сердце завода — главный конвейер. Сборка, испытания, сдача.

Одна из самых ответственных специальностей на конвейере — водитель-испытатель. Виктор Петрович Гришин еще до армии работал на заводе, а отслужив, снова вернулся к любимому делу. Сейчас он один из опытнейших водителей-испытателей. Не каждому доверят личное клеймо: после Виктора ОТК уже не проверяет.

* * *

У любой земли есть свое магнитное притяжение: и жители тундры любят свою скупую, суровую землю, и жители пустынь находят красоту в знойных просторах. Но есть земли, чье притяжение испытывают буквально все.

Редкой красотой славятся окрестности Миасса. Хрустальной чистоты озера, цепь Ильменских гор, всегда окутанных голубоватой дымкой, густые хвойные леса — все это в сочетании с красотой, создаваемой человеком, производит неизгладимое впечатление. Именно здесь, рядом с Миассом, единственная в мире горная кладовая минералов — Ильменский заповедник имени В. И. Ленина. Уральская природа проявила неслыханную щедрость, собрав в одно место почти все минералы, известные людям. Да еще и добавила: в музее Ильменского заповедника можно увидеть серый, с темными вкраплениями миасскит и до черноты смуглый ильменит, названные так в честь места своего первооткрытия.

И все же, когда говорят о силе магнитного притяжения, южноуральцы имеют в виду прежде всего Магнитку, город, возникший у Вечного огня, зажженного в сердце первой домны буранной зимой тридцать второго года. Город, который сам стал символом вечного горения.

Магнитогорск стоит на двух материках: одно крыло в Европе, другое — в Азии. Магнитогорцы шутят: «На одном материке Магнитке никак не уместиться!» А если иметь в виду ее известность, то слава этого «русского чуда» еще в тридцатые годы облетела все уголки земли...

Отличительная особенность Магнитогорска — его монолитность. Огромное сердце города — металлургический комбинат — с изначальных дней определяет ритм жизни, а металл измеряет весомость труда магнитогорцев. За годы своего существования комбинат дал стране свыше 243 миллионов тонн стали.

В годы войны это был металл обороны, наступления, Победы! Сегодня это металл новостроек, машиностроения, металл электростанций и ракетодромов.

Здесь закаляется не только сталь, но и особый, редкостный сплав характеров. Магнитогорец — это не просто принадлежность к городу. Это уже и характеристика.

Творческая атмосфера всегда способствовала здесь глубокому раскрытию талантов. Всей стране известны имена крупнейших металлургов и организаторов металлургического производства П. И. Коробова, Г. И. Носова, Ф. Д. Воронова, А. Д. Филатова, талантливых мастеров огненного дела А. Л. Шатилина, В. П. Зуева, Н. И. Савичева, К. Ф. Хабарова, П. И. Федяева...

Многие трудовые почины рождались в цехах Магнитки. Как можно полнее использовать производственные мощности и увеличить производство металла! Этот призыв передового сталевара Ю. С. Карташова, подкрепленный прекрасной работой его бригады, нашел горячий отклик у армии металлургов.

— Приблизим день выдачи сверхпланового миллиона тонн стали! — призывают в своем обращении к трудящимся комбината сталеплавильщики мартеновского цеха № 1.

Так одно хорошее начинание поддерживается другим.

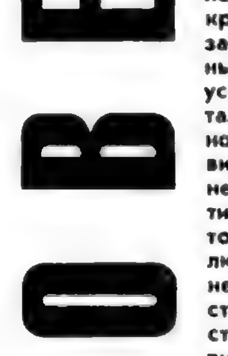
Магнитогорск принадлежит, пожалуй, к числу самых динамичных городов страны. В стремительном развитии своем он целеустремленно последователен. Город трудно и долго освобождался от времянок. Сейчас он может о себе сказать: бараки на слом, землянки на слом, ветошь хибарок смыта. Солнце гребет золотым веслом по вешней стремнине быта!..

Город очень красив. Красивы широкие улицы и проспекты, запорошенные только что выпавшим снегом. А широкая, во весь горизонт развернутая заводская панорама придает Магнитогорску особую рабочую стать.

* * *

Любая часть никогда не заменит целого. Мы вели разговор всего лишь о нескольких городах Южного Урала.

Златоуст. Миньяр. Аша. Сатка. Троицк. Копейск. Коркино... В этом ряду могут быть названы и другие старые и новые города Челябинской области. Да и не только города, но и рабочие поселки, районные центры, села, деревни. И все они, именно все достойны больших слов. В героическом Сказе об Урале, Сказе, который создается всенародным трудовым радением, их судьбы, их дела пишутся с красной строки!

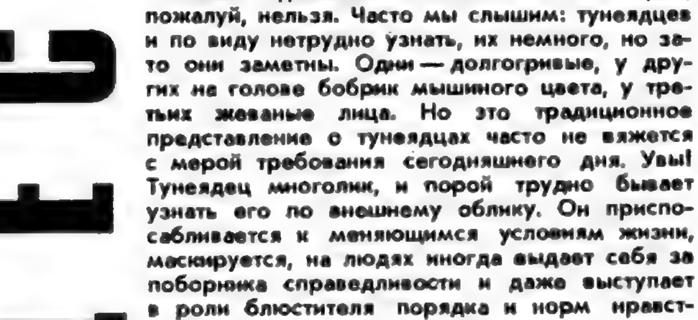

ЧЕЛОВЕК — ОБЩЕСТВУ,

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

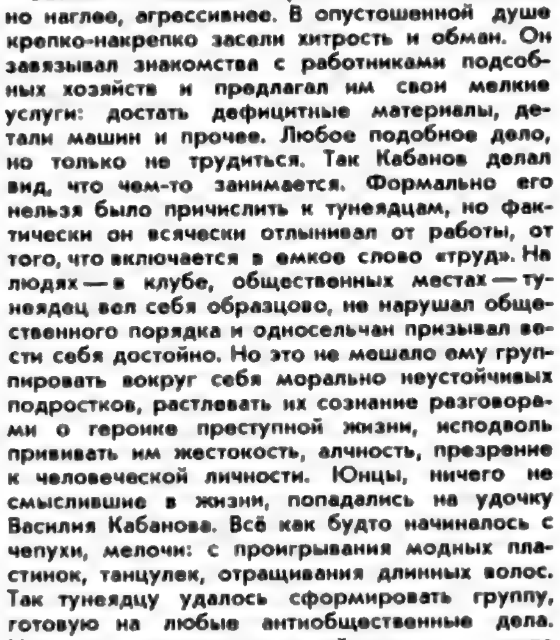
Б. В. КРАВЦОВ,
прокурор РСФСР, государственный советник юстиции I класса

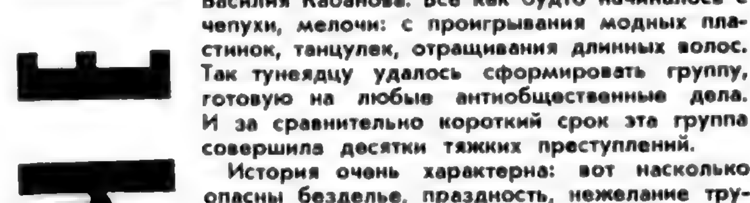
ВОПРОС: Известно, какой социальной болячкой нашего общества является тунеядство. В чем трудности борьбы с этим злом? Разве так уж сложно вытащить тунеядцев, как говорится, за ушко да на солнышко?

ОТВЕТ: Однозначно ответить на этот вопрос, пожалуй, нельзя. Часто мы слышим: тунеядцев и по виду нетрудно узнать, их немного, но зато они заметны. Одни — долгогривые, у других на голове бобрик мышиного цвета, у третьих жеваные лица. Но это традиционное представление о тунеядцах часто не вяжется с мерой требования сегодняшнего дня. Увы! Тунеядец многолик, и порой трудно бывает узнать его по внешнему облику. Он приспосабливается к меняющимся условиям жизни, маскируется, на людях иногда выдает себя за поборника справедливости и даже выступает в роли блюстителя порядка и норм нравственности.

В селе Хоперском, Балашовского района, Саратовской области, жила семья Кабановых. Старший сын, Василий, с 15 лет бросил школу и решил, по его словам, «ни к какому берегу не приставать». Первое время он бесцельно болтался по улицам, а потом пристрастился к поездкам в Саратов, Аткарск, Балаково, где жили его родственники. Шли годы, обстоятельства жизни все же заставляли его чем-то заняться, и тогда Кабанов устраивался на работу, но это только для отвода глаз. Через месяц-два он увольнялся.

Василий становился взрослее и соответственно наглее, агрессивнее. В опустошенной душе крепко-накрепко засели хитрость и обман. Он завязывал знакомства с работниками подсобных хозяйств и предлагал им свои мелкие услуги: достать дефицитные материалы, детали машин и прочее. Любое подобное дело, но только не трудиться. Так Кабанов делал вид, что чем-то занимается. Формально его нельзя было причислить к тунеядцам, но фактически он всячески отлынивал от работы, от того, что включается в емкое слово «труд». На людях — в клубе, общественных местах — тунеядец вел себя образцово, не нарушал общественного порядка и односельчан призывал вести себя достойно. Но это не мешало ему группировать вокруг себя морально неустойчивых подростков, растлевать их сознание разговорами о героике преступной жизни, исподволь прививать им жестокость, алчность, презрение к человеческой личности. Юнцы, ничего не смыслившие в жизни, попадались на удочку Василия Кабанова. Всё как будто начиналось с чепухи, мелочи: с проигрывания модных пластинок, танцулек, отращивания длинных волос. Так тунеядцу удалось сформировать группу, готовую на любые антиобщественные дела. И за сравнительно короткий срок эта группа совершила десятки тяжких преступлений.

История очень характерна: вот насколько опасны безделье, праздность, нежелание трудиться — все то, что в конечном счете разла-

гает человека. А ведь внешне поначалу все выглядело благопристойно.

ВОПРОС: Если человек ведет паразитический образ жизни, то на какие средства он существует да еще благоденствует?

ОТВЕТ: Недавно при разработке мер по предупреждению различного рода нарушений правил социалистического общежития в некоторых районах РСФСР были проведены социологические исследования на тему: «Причины тунеядства». Выявилась любопытная картина. Многие люди различных профессий и возрастов имели крайне туманное представление о том, что является источником тунеядства. И задавали тот же вопрос, что и вы сейчас задали: на что же живут паразитические элементы, где берут деньги на питание, одежду, водку, ведь они, как правило, ведут разгульный образ жизни?

Не легко ответить на этот вопрос, даже имея материалы следственной, прокурорской и судебной практики. Уж очень многообразен арсенал средств, к которым прибегают тунеядцы! Одни занимаются мелкой спекуляцией, другие — кражами, картежной игрой на железнодорожных и водных вокзалах, третьи — шабашничеством, гонят самогон, иные вымогают деньги у родителей, родственников, соседей, знакомых или устраивают на своих квартирах «дома приезжих». Во всех случаях мы имеем дело с социальными болячками. И нельзя вести настоящую борьбу с тунеядцами, не раскрыв их социального лица, не поняв морально-политического и материального урона, который они наносят обществу.

В этом плане значительный интерес представляет анализ прокурорской и судебной практики. Вот некоторые уголовные дела.

утра до ночи без дела толкался в подъездах, у пивного ларька, стараясь втянуть в свою компанию хороших людей.

И вот суд. Тунеядец приговорен к лишению свободы. Теперь этот человек с землистым, серым лицом, глуховатым, ватным голосом просит снизить ему меру наказания. Но для этого нет никаких оснований. Крючков слишком долго злоупотреблял гуманностью советского общества, всякими правдами и неправдами жил за счет этого общества, за счет честных тружеников.

Конечно, такие, как Крючков, составляют сравнительно небольшую часть населения. Но беда заключается в том, что они оказывают вредное влияние на некоторых неустойчивых членов общества, нередко вовлекают в преступные дела молодых людей, подростков.

История с Крючковым поучительна в том отношении, что общественность, органы милиции слишком долго терпели «художества» этого бездельника и не принимали решительных мер к тому, чтобы оградить общество от паразита. А он пользовался этим.

ВОПРОС: Видимо, здесь очень важен фактор времени?

ОТВЕТ: Да, конечно. Можно безошибочно утверждать, что только своевременно принятые меры, меры решительные, могут вовремя устранить условия, способствующие падению человека. Отказ от этого принципа приводит порой к тяжелым последствиям.

...Владимир был пятым ребенком в семье. Старшие братья и сестра, когда он пошел в первый класс, уже стали, как говорится, на ноги: работали, учились, были людьми вполне самостоятельными. Они испытали немало горестей в трудное послевоенное время, знали

ем отдельных людей. Социалистическое государство — это не только государство для трудящихся, но и государство самих трудящихся. Советский образ жизни предполагает заботу общества о человеке и заботу человека об обществе. Не существует прав без обязанностей. Демократизм нашего жизненного уклада, широкие социальные и политические права, которыми пользуются все советские люди, немыслимы без сознательной дисциплины и организованности членов социалистического общества, без высокоразвитого чувства ответственности, чувства общественного долга.

Советские люди, обладающие высокой степенью сознательности, высокими нравственными качествами, пользуются всеобщим уважением. На них равняются, с них берут пример. Человек, замыкающийся в своем узком, личном мирке, уклоняющийся от активного участия в производственной, общественной жизни, неизменно встречает осуждение общества. Об этом убедительно говорят материалы судебных процессов. Но, к сожалению, эти материалы далеко не в полной мере используются для перевоспитания лиц, уклоняющихся от общественно полезного труда. Это упрек и руководителям трудовых коллективов и общественных организаций, в частности, общественности по месту жительства. Вокруг тунеядцев не всегда создается обстановка нетерпимости, общественного осуждения. Недостаточно эффективно используются в этом плане печать, радио, телевидение и другие средства массовой пропаганды.

Почти нет у нас короткометражных фильмов-комедий, обличающих тунеядство. Мало у нас красочных плакатов, диапозитивов, раскрывающих зло паразитизма.

СТВО — ЧЕЛОВЕКУ

...В Красном уголке дома № 4 по проезду Боевой дружины на выездном заседании Орехово-Зуевского городского народного суда слушается дело по обвинению Крючкова. На скамье подсудимых сидит мужчина в расцвете сил, вполне трудоспособный. По приговору суда он признан тунеядцем.

Во дворе, где жил Крючков, в скверике, расположенном недалеко от дома, он частенько слышал кем-то зло оброненные слова: «Эх ты, паразит!..» А Крючков делал вид, что не слышит, или же отвечал руганью. Но теперь Крючков уже объявлен тунеядцем именем закона, по закону нашей общественной морали. Это уже сказано не соседями по квартире, дому. Это слово суда. И тут уже не отделаешься руганью.

Крючков систематически на протяжении длительного времени не работал, вел паразитический образ жизни, упорно уклонялся от общественно полезного труда. Случайно ли Крючков попал на скамью подсудимых? Нет. С ним долго, я бы сказал, терпеливо возились. Но он не пожелал менять образ жизни. Ему официально предложили: в 15-дневный срок поступайте на работу. Комиссия по трудоустройству направила его на Ореховский торфобрикетный завод. Не пошел. Тогда исполком городского Совета дал ему направление на крутильно-ниточную фабрику хлопчатобумажного комбината. Он и тут остался верен своим жизненным принципам.

Через некоторое время, почувствовав, что его могут привлечь к ответственности, Крючков пошел работать на ткацкую фабрику. Но это была маскировка. Прошло несколько недель — и он уволился. Вновь стал злостно уклоняться от общественно полезного труда. С

цену каждой копейке, заработанной собственным трудом.

Владимир рос в другое время. Ему неведомы были житейские трудности. Его безмерно баловали.

— Избалуете вы Володьку, мама,— говорила, бывало, сестра.— Пора приучать парня к какому-то делу.

— Подрастет — все образуется. Не то время теперь...

Когда сыну исполнилось 14 лет, начались неприятности. Владимир бросил учиться, так и не закончив 7-й класс. Связался с дурной компанией. Целыми днями пропадал на улице. Стал курить, случалось, и пьяным домой приходил.

Дальше — больше. В училище механизации пробыл только месяц. Убежал оттуда, скучно показалось. Ни в 18, ни в 19 лет работать не пошел. Родителям грубил, требовал деньги на водку. Поднял руку на мать. Попадал в вытрезвитель. Дважды предупреждала его милиция: «Пора вам на работу устраиваться!» Не внял предупреждению, не внял голосу разума. Вот финал — привлечен к уголовной ответственности за тунеядство, осужден на 6 месяцев лишения свободы. Нетребовательность, всепрощение со стороны родителей, друзей сослужили плохую службу.

Без дела жить — небо коптить, безделье — мать всех пороков. Так гласит народная мудрость. В справедливости этих поговорок убеждает и статистика: большинство преступлений совершают люди, нигде не работающие.

Становление советского общества проходило и проходит в борьбе с пережитками частнособственнической, индивидуалистической психологии и морали, с антиобщественным поведени-

Тут нельзя не сказать и вот о чем. В наших школах преподается курс обществоведения. Он предусматривает изучение Конституции СССР. Учащихся знакомят с некоторыми положениями гражданского, трудового, колхозного, семейного, уголовного права. Думается, что в школах одновременно необходимо как можно полнее и подробнее раскрывать содержание важнейшего конституционного принципа: трудиться обязан каждый! Министерство просвещения СССР вместе с Академией педагогических наук должны подумать о каких-то поправках к учебным программам по обществоведению.

В своей речи в Ташкенте Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Леонид Ильич Брежнев подчеркнул, что самый верный путь к достижению постоянного повышения уровня благосостояния и культуры — это «труд, труд и еще раз труд, вдохновенный, умелый, хорошо организованный...». Этим — добросовестным отношением к труду — и определяется прежде всего мера ответственности человека перед обществом. Человек — обществу, общество — человеку — таков принцип взаимоотношений личности и коллектива при социализме. Обязанность трудиться — основной закон нашей жизни.

К сожалению, у нас еще есть люди, которые придерживаются иной позиции. Они игнорируют общественное мнение. Что же, пусть тогда пеняют на себя. Тут уж начинает действовать закон, различные меры принуждения. Ибо было бы величайшей несправедливостью позволять таким людям жить за счет тех, кто честно выполняет свой долг перед обществом.

Беседу вел Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Всеволод БОБРОВ, заслуженный тренер СССР

еистощим на выдумку хоккей! Честное слово, порой можно подумать, что не видимый никому, проказливый дух этой игры не теряет ни минуты, подбрасывая и нам, тренерам, и многочисленным любителям сюрприз за сюрпризом. Ну кто бы из самых искушенных и прозорливых знатоков мог представить себе течение нынешнего сезона? Пять поражений ЦСКА и неожиданный срыв после удачливого старта спартаковцев, взлет «Крылышек» и успехи рижских новичков. Сколько толков, споров, предположений вызвали все эти озорные повороты нашего хоккея, какие только вопросы не возникали у болельщиков! Лидеры стали слабее? А может, аутсайдеры сильнее? Хоккейная гвардия пала духом или, наоборот, хоккейная молодежь воспряла? Снаряды атаки стали дальнобойнее или защитная броня более хрупкой? И, наконец, новый вопрос, характерный для нынешнего сезона: что с тренерами? Зашли в тупик или, может быть, хитрят, жертвуют очками, готовя неожиданные удары?

Да, чем больше неожиданных событий преподносит нам XXVIII первенство страны, тем настойчивее в хоре встревоженных голосов звучит все тот же «тренерский мотив». И должен признаться, что этот мотив настойчиво звучит и в моих ушах с тех самых дней, когда в 1972 году я принял сборную команду. Мне и до этого доводилось вести тренировочную работу, да еще в такой яркой, самобытной команде, как «Спартак», но в то время я отвечал только за один коллектив, а тут почувствовал ответственность за работу и армейского тренера, и динамовского, и всех других, щедро питающих ряды сборной своими питомцами. Сколько сил, выдумки вложили они в подготовку каждого своего игрока, сумеем ли мы использовать в полной мере их возможности для того, чтобы сборная стала сильнее, не предъявят ли нам тренеры «рекламаций», когда хоккеисты из сборной вернутся в свои команды?

Да, роль тренеров сборной особенно щекотлива, и успешно работать в ней они, видимо, смогут только в том случае, если всегда будут помнить об интересах не только сборной команды, но и клубных тренеров, если они никогда не забудут, что хоккеисты лишь только временно поступают под их начало и что от успешной работы клубных тренеров зависят в конечном счете и успехи сборной команды страны. Вот почему затруднение, которое испытывает в нынешнем сезоне такой известный тренер, как Анатолий Владимирович Тарасов, и заботы такого маститого воспитателя, как Аркадий Иванович Чернышев, и срывы еще недавно сильнейшего нападающего страны, а ныне тренера «Спартака» Вячеслава Старшинова не могли меня не встревожить, так же, как триумф тренера команды «Крылья Советов» Бориса Павловича Кулагина не обрадовать. Ведь именно спортсмены этих четырех клубов и составляют костяк сборной-73. Им предстоит защищать честь советского хоккея и на международных соревнованиях на приз «Известий» и на чемпионате мира.

Что же происходит в нашем хоккее? На этот вопрос и я и мой соратник по сборной Борис Павлович Кулагин ищем ответы на каждом матче, в беседах со многими тренерами и хоккеистами. На этот вопрос я искал ответ, наблюдая за одним из самых интересных и принципиальных матчей нынешнего сезона — «Крылья Советов» — ЦСКА.

Если в этой встрече «Крылья Советов», бесспорный лидер всесоюзного первенства, завоюют еще два очка, то команда окончательно оторвется от восемнадцатикратных чемпионов страны — армейцев. «Крылья Советов» имеют все основания для этого, ведь команда уже победила в первой встрече армейцев да еще с разгромным счетом 5 : 1. Но я помнил еще и о том, что Борис Кулагин, прежде чем принять команду «Крылья Советов», десять лет проработал с Анатолием Тарасовым и является прямым его учеником, что основной костяк его команды состоит из бывших армейцев, показывающих теперь высокое мастерство, хотя в свое время Тарасов и отпустил их в другие клубы, считая этих игроков не очень перспективными.

Как же мог так ошибиться один из лучших знатоков хоккея? Ведь если бы Вячеслав Анисин, Александр Бодунов, Юрий Лебедев, Владимир Расько сегодня выступали в рядах армейской команды, то никто бы не мог составить ей конкуренции. Разве можно найти лучший пример тому, как сложна и тонка работа хоккейного тренера. Если Тарасов, сам Тарасов не смог разгадать возможностей таких игроков, то сколько же просчетов допускают другие? И еще вопрос: чем объяснить, что команда ЦСКА, так заботливо воспитывающая для себя смену, не сумела вовремя подготовить нападающих класса Фирсова и Михайлова, защитников, стоящих на уровне Рагулина и Кузькина? И если команда все же располагает подающими надежды молодыми нападающими, такими, как Виктор Жлуктов, Владимир Попов и Александр Волчков, то с защитниками у нее положение значительно хуже. А ведь было время, когда от армейцев выступали в сборной Николай Сологубов и Иван Трегубов, теперь же мы вынуждены говорить об ослаблении армейской брони, удивляться тому, что команда ЦСКА стоит чуть ли не на первом месте по количеству пропущенных шайб.

Давно уже я покинул ряды команды ЦСКА, но всегда с пристальным вниманием слежу за жизнью, за успехами армейцев, а теперь, когда принял сборную, эта заинтересованность стала еще большей, ведь мы привыкли к тому, что костяк сборной — армейский. Так было всегда, начиная от состава сборной первого призыва, выигравшей первенство мира 1954 года, а вот в нынешнем сезоне, намечая с Борисом Павловичем Кулагиным состав сборной-73 для ее первого выступления в Финляндии, мы выяснили, что в состав команды больше семи армейцев не включишь, в то время когда представителей «Крылышек» в ней восемь.

Правда, как я уже говорил выше, многие хоккеисты «Крыльев Советов», включенные в сборную, начинали выступать в составе армейской команды, да и тренер их — ученик Тарасова, но разве можно сравнить Анисина, лучшего нападающего «Крылышек», с тем молодым хоккеистом, который пришелся не ко двору в ЦСКА, да и Кулагин, поднявший «Крылышки» за три года своей работы в команде с шестого места на третье, а в этом году выдвинувший ее в лидеры, совсем не похож на того Кулагина, который скромно стоял на втором плане в команде ЦСКА.

Вот о чем я думал, наслаждаясь прекрасной игрой двух лучших наших команд: ЦСКА — «Крылья Советов»,— и не чувствовал себя зрителем на этой игре, ведь она так много значила для формирования сборной. Меня не могло не тревожить, то, что Валерий Харламов, пожалуй, единственный нападающий армейцев, сохранивший в нынешнем сезоне все свое мастерство, подвергается огромным перегрузкам, играя по две смены кряду, я с огорчением убеждался в том, что Борис Михайлов и Владимир Петров все еще не дошли до тех высот, на которых стоят обычно, я с тревогою убеждался в том, что один из лучших защитников ЦСКА, Александр Гусев, снова, как и в прошлом году, вызывает недовольство Тарасова и далек от своей высшей формы.

Как известно, встреча ЦСКА — «Крылья Советов» после исключительно напряженной и равной борьбы завершилась победой армейцев, что позволило им продолжать борьбу на чемпионате за первое место, но для нас, тренеров, встреча этих двух команд не умещается в цифровых рамках. Думаю, что не только я, но и мои коллеги — тренеры клубных команд прежде всего обратили внимание на то, что «Крылышки», несмотря на поражение, еще раз доказали свою силу, которая прежде всего определяется равноценностью всех трех звеньев команды, а армейцы, несмотря на успех, по-моему, все еще далеки от своей формы. Таким образом, если исходить из интересов сборной, то этот матч окончился своеобразной ничьей, не изменив ничего в наших расчетах.

Конечно, в интересах сборной бережливое отношение к Харламову, который играет сейчас на предельном напряжении, но разве можем мы быть удовлетворены положением другого ведущего нападающего — динамовца Александра Мальцева? В этом сезоне Мальцев, так же как и Харламов,

выступает прекрасно, но не получает полной поддержки от своих партнеров по тройке — Юрия Чичурина и Анатолия Белоножкина. Оба эти хоккеиста значительно ниже классом и не имеют шансов войти в состав сборной, таким образом, Мальцев остается в одиночестве, без наигранных партнеров. К счастью, мастерство этого хоккеиста настолько высоко, что он легко находит свое место в любой тройке, но разве, выступая в своей команде в играх на первенство СССР с равноценными партнерами, Мальцев не был бы сейчас еще сильнее. И такая возможность в команде имеется. Если до прошлого года для Мальцева не находилось равноценных партнеров, то теперь один такой игрок есть — Михаил Титов. В этом можно было убедиться во время встречи динамовцев со «Спартаком». Стоило тренеру соединить Титова с Мальцевым, и тот заиграл значительно ярче, но, увы, этот опыт оказался мимолетным, и Титов был сразу же переброшен в тройку Евгения Котлова.

Невозможно себе представить сборную команду страны, в составе которой не выступали бы Владимир Шадрин и Александр Якушев, а теперь в команде появились еще и молодые, способные хоккеисты, такие, как защитник Владимир Кучеренко и нападающий Леонид Борзов. Почему же команда играет плохо, почему так безрезультатны стали усилия спартаковских нападающих, почему так часто стали ошибаться спартаковские защитники? Многие считают, что во всем повинен Вячеслав Старшинов, что не может он, несмотря на весь свой боевой опыт, сразу стать первым тренером такой команды, как «Спартак». Но ведь спартаковцы отлично начали сезон под руководством того же Старшинова да и XXVII первенство закончили серебряными призерами. И хоть Старшинов действительно просчитался, форсировав приближение к высшему пику спортивной формы своих подопечных, это еще не значит, что ему нельзя доверить команду. Какой тренер не ошибается, а Старшинов в ходе ответственной встречи с московскими динамовцами еще раз доказал, что уверенно держит руку на пульте управления. Считаю, что если Старшинову удастся учесть свои ошибки, правильно расставить силы в трех основных звеньях, сформировать четвертое молодежное звено и добиться стабильности выступлений (подумать только, что после победы над динамовцами «Спартак» проиграл «Трактору»!), дело у него пойдет.

Для спартаковцев их встреча с динамовцами имела такое же принципиальное значение, как для армейцев игра с «Крылышками». Спартаковцы, блистательно начавшие сезон под руководством своего молодого тренера, неожиданно в октябре потерпели ряд сокрушительных поражений, и это не могло не встревожить их многочисленных поклонников и, конечно же, нас, руководителей сборной.

Всеволод Бобров в игре.

Фото А. БОЧИНИНА.

Советская сборная атакует...

Мы привыкли к тому, что наши ведущие команды возглавляют опытные тренеры, но этот сезон имеет еще одно характерное отличие от предыдущих: на авансцену выходит новое тренерское поколение: в рижском «Динамо» успешно работает Виктор Тихонов, воспитанник Аркадия Ивановича Чернышева, в челябинском «Тракторе» незнакомый даже нам, старожилам хоккея, Альберт Данилов, тренер, взявший на вооружение самые современные методы подготовки команды, сумевший сплотить свой коллектив и вписать в турнирную таблицу победы над лучшими командами страны. С большим интересом ждем мы первых результатов тренерской деятельности моего боевого друга по армейской команде Вениамина Александрова, возглавившего армейскую команду Ленинграда. Мне кажется, что сочетание опыта таких известных тренеров, как Анатолий Тарасов, Аркадий Чернышев, Николай Эпштейн, с задором молодежи должно принести свои плоды.

Велика роль хоккейного тренера не только в подготовке команды, но и в непосредственной борьбе на льду, и в отличие от своих спортсменов, имеющих время для отдыха, тренер все время в игре, и шлем и доспехи, если бы он их и надевал, не смогли бы его предохранить от нервных перегрузок. А когда тренер присутствует на стадионе в роли зрителя, наблюдая встречу других команд, он все равно не может оставаться равнодушным, он всегда в игре. И мы, руководители сборной, сделаем все возможное, чтобы наладить творческий контакт с нашими товарищами, с их помощью сформировать и сплотить сборную команду, в которой должны сочетаться все лучшие качества советского хоккея.

ВАЛЕРИЙ БРЮ

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Сергей **ШЕРВИНСКИЙ**

Валерий Брюсов, столетие со дня рождения которого отмечает в эти дни советская общественность, наиболее знаменит как поэт. Но деятельность его столь многогранна, что понадобились бы сотни трудов, чтобы осветить его сложную личность, его необычайное по охвату творчество.

Главе крупнейшего в начале века поэтического направления, впоследствии признанный арбитр литературы, Брюсов провел детство в обстановке, казалось бы, вовсе не соответствующей его дальнейшему пути. Его дед, крепостной крестьянин, откупившись, завел торговлю пробками в Замоскворечье. Родители Брюсова были, однако, не чужды идей революционных демократов,— парадокс не столь редкий во второй половине минувшего века. О религии в доме Брюсовых «и помину не было», по выражению самого поэта. Примечательно, однако, что и отец и дед Брюсова пробовали свои силы в сочинении стихов.

Еще мальчиком Брюсов проявил неудержимую любознательность и трудолюбие. Усердному чтению подростка помогала его поразительная память, а постоянно возбужденное воображение уводило в фантастические миры. Духовное развитие мальчика определялось познанием и мечтой. Стихи он стал писать рано, они были его страстью.

Состоятельные родители дали мальчику знание языков. Самоучкой овладел он основами разных наук: он прочитал множество книг по истории, философии, естествознанию; высшей математикой увлекался настолько, что едва не посвятил ей жизнь. Русскую классическую литературу он знал, но любовь к Пушкину пробудилась позже, под влиянием директора гимназии, известного пушкиниста Льва Поливанова. До этого любимым поэтом Брюсова был Некрасов.

Еще гимназистом он познакомился с французской поэзией второй половины века. Имена Бодлера или Верлена, столь широко известные нам теперь, ничего не говорили тогда русскому читателю. Для Брюсова знакомство с французскими представителями новых направлений было «целым откровением», как он сам заявляет в своей «Автобиографии». Вскоре он объединил вокруг себя двух-трех единомышленников примерно того же возраста. Юноши в подражание французам стали именовать себя «символистами», их стихи не отличались ни выдающимися качествами, ни даже дерзостью. Но начало было положено, вызов мещанству и дилетантизму был брошен. Не прошло и нескольких лет, как в группе символистов были уже заметные московские и петербургские поэты — Бальмонт, Вячеслав Иванов, Андрей Белый, Александр Блок. Брюсов возглавил направление, которое сам называл общим именем «новая поэзия», и потом руководил им более десятилетия. Создалось издательство «Скорпион», возник и тотчас завоевал видное положение журнал «Весы» — рупор теоретической мысли символистов. В этот период появляются лучшие сборники стихов Брюсова — «Третья

М. Врубель. ПОРТРЕТ ПОЭТА В. Я. БРЮСОВА. 1906.

1873–1973

С О В

стража», «Городу и миру», «Венок». Сам он, однако, постепенно расходился со своими соратниками по символизму и оставался лишь формально главой «новой поэзии». Около 1910 года и в самом символизме уже проступили признаки упадка, и символизм, принеся во многих отношениях обновление в русскую поэзию, поднявший ее на высокий культурный уровень, распался, истощив свои творческие силы. Поэзия Брюсова неуклонно отходила от недосказанностей и мистичности символизма, его влекла классика, он решительно приближался к реализму. Современному читателю не всегда легко бывает вынести груз наполняющих брюсовские стихи образов мифологии и истории. Однако внимательный читатель увидит, что у всего историзма Брюсова лишь один подлинный герой — человек. Брюсов не устает преклоняться перед отвагой вечного покорителя природы:

Молодой моряк вселенной,
Мира древний дровосек,
Неуклонный, неизменный,
Будь прославлен, Человек!

(«Хвала Человеку», 1906).

Отношение к человеку и его подвигу роднит Брюсова с Горьким. Это замечательное стихотворение, из которого приведена первая строфа, принадлежит к лучшим творениям динамичной, крепко кованной, разумно-ясной брюсовской поэзии. Еще в совсем молодые годы Брюсовым была создана лучшая из его поэм — «Царю Северного Полюса» — подлинный гимн мужеству человека и его путеводной звезде.

Значительное место в поэзии Брюсова занимает тема любви. Любовь признается Брюсовым одним из могущественнейших рычагов жизненной деятельности, в поэзии Брюсова она лишена каких бы то ни было красок сентиментальности. Целиком земная, она приобретает оттенки трагические. Стихи, посвященные любви, а точнее — страсти, пылкому чувству, дают право поэту на звание одного из лучших любовных лириков русской литературы.

Тема любви связана обычно у Брюсова с темой города. Перекликаясь с Верхарном, Брюсов посвятил городу целый ряд великолепных стихов, хотя со времени их создания облик городов настолько изменился, что невольная устарелость образности мешает восприятию их поэтических достоинств.

Властью мечты Брюсов уносим бывал в те эпохи, когда фантастическое сливается с научным, в глубины еще доисторического существования человека и, шире, в проблемы мироздания. Покорение мировых пространств захватывало Брюсова, он с восторгом встретил яркими стихами первые шаги авиации — они тоже имеют для нас теперь лишь историческую ценность, а имена Фармана или Райта уже не вызывают трепета у свидетелей человеческого вторжения на Луну. Нельзя удивляться тому, что в ходе размышлений о судьбах человечества и мира Брюсов терялся в пространствах будущего и эсхатологические мотивы в его поэзии принимали трагический характер. Космогонические фантазии и утопии Брюсова легче усваивать по его прозе и драматургии.

Когда совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, русская интеллигенция была оглушена ее громовым раскатом. Брюсов, всю жизнь старавшийся осознать «минуты роковые» истории, вдруг оказался сам «действующим лицом» очистительной трагедии, происходящей в мире. Он постиг, что осуществлен переворот, перед которым меркнут все бывшие в истории переломы, он видел воочию «преображение планеты».

Предложение А. В. Луначарского работать на благо будущих поколений рука об руку с партией было принято Брюсовым без колебаний. Это было нелегко для бывшего вожатая символизма, кумира эстетических салонов. От Брюсова тогда отвернулась большая часть интеллигенции, вызвавшей его инвективу «Товарищам-интеллигентам», предпочитавшей если не разрыв с родиной, то выжидательную позицию. Брюсов не устрашился ни новизны работы, ни временного своего одиночества. Поэт встретил революцию редкими по мощности стихами:

Единое счастье — работа,
В полях, за станком, за столом,—
Работа до жаркого пота,
Работа без лишнего счета,—
Часы за упорным трудом...

(«Работа», 1917).

С Октября 1917 года для Брюсова начался новый период жизни и творчества. К сожалению, слишком краткий: всего пять с небольшим лет поэт смог посвятить строительству нового мира. Изнуренный только что перенесенным тяжелым недугом, Брюсов собрал свои последние силы, не сдался, даже не утратил своей кипучей энергии. Продолжал писать стихи. Некоторые из них вошли в золотой фонд поэзии, иные уже обнаруживали упадок могучего духа. Мы имеем все основания причислить Брюсова к зачинателям нашей советской поэзии. Одним из первых дал он в стихах образ В. И. Ленина. Его стихотворение «Ленин», обозначенное 1924 годом,— одно из лучших достижений советской Ленинианы.

Последний период жизни Брюсова был временем коренной перестройки его привычного душевного строя и полной отдачей себя делу служения победившему классу. В 1920 году поэт вступил в Коммунистическую партию. Брюсов посвящал дни и ночи работе в разных учреждениях, где образовывалась новая пролетарская культура. Особенно широко развернулась его педагогическая деятельность.

Огромное значение в поэтическом творчестве Брюсова имели его переводы поэзии. Еще до революции общая издательская работа связала его крепкими узами сотрудничества и взаимного уважения с Горьким, который очень чтил Брюсова и называл его «самым культурным писателем на Руси». Много сделал поэт для популяризации литератур народов, населяющих нашу страну. Благодаря ему поэзия Армении стала достоянием нашего многомиллионного и многоязычного народа. Антология «Поэзия Армении» (1916), редактированная Брюсовым, стала этапом в истории армянской поэзии. Брюсов удостоен был звания народного поэта Армении. Сам блестящий мастер перевода, он заложил основы того переводческого метода, которому следуют наиболее вдумчивые и добросовестные поэты-переводчики наших дней.

Глубокого исследования достойны литературоведческие и исторические труды Валерия Брюсова. Пушкинисты еще не раз обратятся к исследованиям, собранным автором под глубоким, интимным названием «Мой Пушкин», стиховеды благожелательно пересмотрят критику его стиховедческих теорий; прозаики посвятят труд изучению его исторически правдивых романов или увлекательной и убедительной фантастики. Своих исследователей и критиков найдет все то, что необходимо упомянуть в юбилейные дни, но что не может вместиться в рамки краткой юбилейной статьи.

Валерий БРЮСОВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

Поэзия

Поэзия везде. Вокруг, во всей природе,
Ее дыхание пойми и улови —
В житейских мелочах, как в таинстве любви,
В мерцаньи фонаря, как в солнечном восходе.

Пускай твоя душа хранит на всё ответ,
Пусть отразит весь мир природы бесконечной,
Во всем всегда найдет блеск красоты предвечной
И через сумрак чувств прольет идеи свет.

Но пусть в твоей любви не будет поклоненья:
Природа для тебя — учитель, не кумир.
Твори — не подражай. Поэзия есть мир,
Но мир, преломленный сквозь призму вдохновенья.

23 мая 1892.

Полнолуние

Мы волны морские, мы дышим луной,
Но утром не скажем о тайне ночной,
И день не узнает, как трепетный сон
Полночным призывом, заклятьем смущен.
И, вздрогнув, встаем мы в венце из огней,
И бьемся и рвемся из моря тесней,
И к небу взлетаем, мятежно сплетясь,
И жаждем порвать беспредельную связь,—
Но, берег найдя, у его рубежа
Мы вдруг умираем, в истоме дрожа.
Без сил угасаем и дышим луной...
Нет! солнце не знает о тайне ночной.

21 мая 1898.

Публикация Р. ЩЕРБАКОВА.

Константин ГЕРАСИМОВ

ПОЭТ, УЧЕНЫЙ, КОММУНИСТ

1. ДВА ЮБИЛЕЯ

Прошло полвека с тех декабрьских дней 1923 года, когда Валерия Яковлевича Брюсова чествовали в Российской академии художественных наук, в Большом театре и в Высшем литературно-художественном институте по случаю его пятидесятилетия. Теперь, в дни празднования столетия со дня рождения поэта, нам еще более ясен смысл его не совсем обычного выступления 16 декабря 1923 года на том, уже давнем, юбилее. На объединенном заседании Академии художественных наук, Общества любителей российской словесности, Высшего литературно-художественного института, Всероссийского союза писателей и Союза поэтов после вступительного слова председателя — народного комиссара просвещения А. В. Луначарского и докладов П. Н. Сакулина («Классик символизма»), М. А. Цявловского («Брюсов-пушкинист»), Л. П. Гроссмана («Брюсов и французские символисты»), Г. А. Рачинского («Брюсов и ВЛХИ») и С. В. Шервинского («Брюсов и Рим») слово взял Брюсов. По словам Н. Н. Фатова, рассказывая впоследствии о брюсовском юбилее, П. Н. Сакулин «разводил руками и, смеясь, говорил: «Выступаю я с докладом, все как полагается, а потом выступает Брюсов и вдруг... со мной... в полемику пускается!!! Случай небывалый, чтобы юбиляр полемизировал с докладчиком».

Протест Брюсова был обусловлен тем, что большинство выступавших говорили о нем прежде всего как о классике символизма. Процитировав стихи, написанные Фетом к празднованию пятидесятилетия его литературной деятельности:

«Нас отпевают. В этот день
Никто не подойдет с хулою:
Всяк благосклонною хвалою
Немую провожает тень...»,

Брюсов продолжал:

— Понимаете, товарищи, что хотя и очень лестно и почетно быть объектом таких отпеваний, но играть роль немой тени все-таки очень тяжело, особенно, когда чувствуешь себя способным говорить, а не совсем еще онемелым».

Что же было сказано Брюсовым далее? Что сквозь символизм он пронес трезвое, реалистическое миросозерцание, которое с детства залегло в глубь его существа, что его приход к революции не был ни случайным, ни неожиданным. С особой настойчивостью подчеркивал в ответном слове Брюсов свое стремление быть с молодыми силами русской поэзии: «Идти вперед можно, только опираясь на... молодежь... Мое самое большое стремление — быть с молодыми и понять их».

Справедливости ради отметим, что не все выступавшие говорили о Брюсове в прошедшем времени. Ничего общего с «отпеванием» не было в замечательно точном образе Брюсова-Януса, обращенного одним ликом к прошлому, а другим к грядущему, образе, найденном С. В. Шервинским. То же в полной мере относится к словам А. В. Луначарского: «Заслуги Валерия Яковлевича в прошлом выигрывают колоссально в наших глазах от той роли, которую он сыграл в последние годы после революции».

2. БРЮСОВ — НАШ СОВРЕМЕННИК

Изменился ли взгляд на роль Брюсова — выдающегося русского поэта, ученого, деятеля культуры — в литературном процессе эпохи за полвека, истекшие с того памятного юбилея и с тех пор, когда Брюсова во многих статьях 20-х годов называли поэтом, широкому читателю непонятным, чуждым и ненужным? Безусловно, изменился, и свидетельств тому немало. Об этом говорят многочисленные исследования, дающие новую, высокую оценку поразительно разносторонней деятельности В. Я. Брюсова, прежде всего непреходящему значению его поэтического наследия. В Ереване и Москве на высоком теоретическом уровне проводятся Брюсовские чтения, регулярно собирающие десятки советских и зарубежных литературоведов. Неподделен и интерес читателей к долгожданному собранию сочинений В. Я. Брюсова, предпринятому издательством «Художественная литература». Давно миновали времена, когда, по утверждению недоброжелателей поэта, его книги не снимались с полок библиотек и книжных магазинов...

Случайность ли, что в истории русской поэзии трудно найти сборники стихов, менее понятые и оцененные современниками, чем последние книги Брюсова, в особенности «Дали» и «Mea»? По-видимому, нет, ибо Брюсову суждено было намного опередить требования своего времени. Лишь теперь, в условиях бурного научно-технического прогресса, решительного вторжения науки во все области жизни общества, перехода самых широких масс от всеобщей грамотности ко всеобщей образованности, становятся ясными масштабы и значение творческой цели, поставленной Брюсовым перед собой в последние годы жизни.

Всю свою творческую жизнь Брюсов — один из создателей и вождь русского символизма — шел вопреки агностицизму и иррационализму идейной основы этого литературного течения к утверждению поэзии как «верховного акта мысли». Основой лирического переживания в последних книгах стихов Брюсова становятся раздумья и настроения человека современности, глубоко захваченного столкновением, борьбой научно-философских гипотез и концепций — грандиозной «драмой идей» нашей эпохи. Горизонты этой поэзии отодвинуты в бесконечность Вселенной.

Стремление поэта-ученого Брюсова расширить сферу поэтического, включить в нее и то, что не было достоянием художника еще вчера, отнюдь не нечто редкое, необычное. Оно лежит в русле давней научно-философской традиции русской и мировой поэзии, традиции, идущей вовсе не от одного Рене Гиля, с именем которого обычно связывается так называемая «научная поэзия», но от поэтов-мыслителей, поэтов-философов всех времен — Лукреция Кара, Данте, Гете, Ломоносова, Тютчева, Фета...

Неизбежные в рамках эксперимента такого масштаба и значения отдельные художнические промахи и тупиковые пути иных формальных поисков Брюсова также ценны для исследования, ибо они поучительны.

Речь идет не об утверждении в наше время некоего специфического, изолированного жанра, но о неизбежной эволюции нашей «большой» поэзии в целом к большей научно-философской глубине, к современной масштабности поэтического видения мира. Несомненные достоинства произведений поэтов — наших современников: П. Антокольского, Л. Мартынова, Э. Межелайтиса — свидетельство этой эволюции. В этом смысле научно-философская лирика Брюсова не пройденный этап, представляющий лишь исторический интерес для специалиста-исследователя. Современное ее звучание и плодотворность многих путей, намеченных в ней, несомненны.

3. С ЗЕМЛИ ДО ЗВЕЗД...

«С земли до звезд встает Москва!» — это строка из брюсовского стихотворения «У Кремля», прочитанного им в Большом театре в дни празднования того — первого — юбилея. Сегодня она, звуча по-новому, поражает нас, как давнее, мудрое пророчество поэта. Интерес Брюсова к космическому будущему человечества, наметившийся еще в ранних его стихах, с годами все углублялся, пока не обусловил одну из важнейших линий его творчества. И последнюю книгу своих стихов «Planetaria» (впоследствии названную «Mea»), как об этом свидетельствуют сохранившиеся черновые наброски, Брюсов первоначально намеревался целиком посвятить лирическим раздумьям о будущем человечества и о месте человека во Вселенной. В упомянутых черновых набросках предисловия к этой книге он писал: «...нет сомнения, что наступит такой этап в жизни Человечества, когда вся Земля будет объединена, в виде ли единого «государства» (всемирных социалистических республик) или в иной форме, соединяющей труд и усилия всех людей, живущих на планете, для общих целей. Тогда наступит новый период жизни: завоевание своего места в солнечной системе... Каково наше место в этой нашей Вселенной... Каковы могут быть наши отношения к нашим «небесным» соседям (обитателям других планет), что мы сможем им противопоставить, чему у них научиться и чему их научить, чем будем перед ними горды и за что будет перед ними нам стыдно,— вот темы, которые я себе ставил в стихах этой книги».

Вспомним о том поразительном и далеко не случайном факте, что о завоевании космоса Брюсов говорил в апреле 1920 года в Москве, в Доме печати, в своей речи на торжественном заседании в честь 50-летнего юбилея В. И. Ленина: «Для нас, которые в молодости жили в чеховской России, теперешние события прямо феерничны. Конечно, мы все считали социалистическую революцию делом далекого будущего. Вот теперь заговорили о возможности сношения с другими планетами, но мало кто из нас надеется там побывать. Так и русская революция казалась нам такой же далекой. Предугадать, что революция не так далека, что нужно вести к ней теперь же,— это доступно лишь человеку колоссальной мудрости. И это в Ленине поражает меня больше всего».

Примечательно, что в послеоктябрьских стихах Брюсова тема космического будущего неизменно сплетается с темой революции.

Конечно, многое в поэтическом наследии Брюсова принадлежит уже только истории; но, обращенное многими своими гранями к будущему, творчество его сейчас во многом ближе нам, чем когда-либо. Нельзя не согласиться с мнением одного из наиболее выдающихся советских литературоведов, посвятившего немало лет изучению творчества Брюсова,— члена-корреспондента АН СССР, профессора П. Н. Беркова, писавшего: «Брюсов был великий русский поэт... среди русских писателей XX века его имя с бесспорным правом должно произноситься вслед за именами М. Горького и В. Маяковского... Брюсов—великое явление дореволюционной русской и советской культуры. Пора назвать его классиком: учиться у него есть чему, учиться у него можно и должно».

В. Озол (Рига). УРОЖАЙ.

Выставка произведений художников Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР.

Л. Мурниек (Рига). ЗИМА.

Выставка произведений художников
Литовской ССР, Латвийской ССР, Эстонской ССР.

Подходящая кандидатура

Аркадий САХНИН

Короче говоря, во мне Новак увидел одного из тех немногих, кто будет осуществлять новые установки не только по приказу, но и по убеждению, увидел человека, способного мыслить и действовать творчески, масштабно, в русле американских установок. Он не раз ставил меня в пример другим. А ведь именно такого отношения к себе я и добивался.

С Новаком я общался не часто. Иногда он вызывал меня, чтобы расспросить о некоторых вопросах истории Польши, СССР или других стран, консультировался и по отдельным текущим делам. Случалось, я при нем выступал по существу работы, и каждая наша встреча, я хорошо это видел, поднимала мой авторитет в его глазах.

К сожалению, видел это не только я, но и мой непосредственный начальник, шеф отделения «анализа и исследований» Казимир Заморский. Отделение это, о чем я расскажу подробнее,— чисто разведывательное и никакими делами радиостанции не занимается. Поскольку оно формально входит в «польскую редакцию», Заморский был подчинен Новаку. Но еще в большей мере — американскому полковнику Джеймсу Брауну, ведающему шпионской работой всех редакций «Свободной Европы». Ему же подчинен и Новак, по предложению которого я и был определен в отделение Заморского.

Даже одного этого факта было достаточно, чтобы встретил меня Заморский с раздражением, как доверенное лицо Новака, ибо они не только ненавидели друг друга, но порою враждовали и открыто. Своей неприязни ко мне Заморский не скрывал, придирался ко всяким мелочам, установил за мной двойную слежку. В частности, каждое мое действие, включая и время, которое уходило на то, чтобы выпить в буфете чашку кофе, регистрировала его секретарша и бывшая любовница, весьма недалекая девица Уршула Ясинчик.

Заморский поручил мне вести картотеку на польских деятелей. О ней я тоже расскажу подробней. Это самый неинтересный участок работы, очень далекий от того, что мне было необходимо.

Заморский, пользуясь доносами Уршулы, не уставал придираться ко мне по любому пустяку. Возможно, она хотела вернуться к старому амплуа его любовницы, вытеснив новую, занявшую ее место, она готова была и на клевету, только бы угодить ему. Глупа Уршула была настолько, что, скажем, встречая в печати фамилию известного поэта, заводила на него новую картотеку, если в другой газете он был назван писателем.

По ее доносам Заморский делал мне замечания, подчас в резкой, недостойной форме. Почему я на лишних пять минут задержался в столовой, почему семь минут просидел за столом, ничего не делая, где находился девять минут, начиная с одиннадцати часов, и так далее. Подобного рода придирки приводили меня к мысли, что по своему уровню Заморский недалеко ушел от Уршулы, но именно его расположение, его доверие требовались мне куда больше, чем даже поддержка Новака. Ведь ключи от сейфов, где находились шпионские донесения, подлинные фамилии информаторов и многое другое, были именно у Заморского. Только от него зависел и характер работы, которую я должен выполнять, и степень секретности документов, к которым мог быть допущен.

Заморский же, считая, что я специально послан в его отделение как доверенное лицо и информатор Новака, делал все возможное, чтобы я ничего не знал о работе и лично о нем.

А опасаться Казимиру Заморскому было чего. Напыщенный, надутый, как индюк, подверженный многим порокам. Роста небольшого, интеллекта тоже небольшого, хотя считает себя непревзойденным разведчиком, о чем как бы между прочим не упустит случая обмолвиться. В разведке он действительно давно. Сначала работал на англичан, а в 1952 году его взяли американцы. Служит им преданно, потому и не выгоняют его, хотя о многих пороках Заморского знают. Это азартный игрок в карты и рулетку, он покупает и перепродает различные акции, валюту, короче говоря, типичный биржевой игрок. Если к этому прибавить, что он много пьет и, кроме официальной жены, не первой по счету, имеет любовницу, получится общий набросок портрета Казимира Заморского.

Денег у него, как правило, не бывает, потому что в результате сделок и азартной игры остается ни с чем. Не задумываясь, залезает в долги, расплачивается, перезанимая у других, или вовсе не отдает, если брал у своих сотрудников. Как-то он настолько запутался в своих комбинациях, что появилась угроза всей его карьере. И тогда с помощью Уршулы совершил подлог, который принес ему некоторую прибыль.

Уршула составила, подписала и надлежащим образом оформила ведомость на огромное количество часов и праздничных дней, якобы отработанных Заморским сверхурочно на радиостанции. Естественно, находясь на «Свободной Европе», я собирал материалы на сотрудников и прежде всего на Казимира Заморского. В силу ряда обстоятельств в моих руках оказались факты, которые могли способствовать разоблачению последнего подлога Уршулы и Заморского.

Именно в этот период ко мне обратился некий Антоний Кучмерчик. Работал он в нашем отделении, но являлся человеком Новака. Как я уже говорил, отношения с Заморским у них были такие: кто кого первым съест. И вот этот Кучмерчик предложил мне, как человеку смелому, пользующемуся авторитетом у Новака и других, на предстоящей в ближайшее время конференции выступить против Заморского. Он заверил меня, приведя ряд фактов, в том, что многие сотрудники в целях самозащиты собирают материалы против Заморского. Если тот начнет кого-либо притеснять или, как любил это делать, угрожать увольнением (а он не только угрожал, но и выгонял), чтобы люди, защищая себя, могли и его разоблачить.

Между прочим, такая обстановка, когда все замараны и загажены, у всех на совести измена или другие преступления, когда каждый, опасаясь за свою шкуру, роется в гнойниках и язвах других, чтобы в нужный момент шантажировать, запугать разоблачением того, кто сам собирается разоблачать, именно такая обстановка царит не только в «польской редакции», но решительно во всех закутках «Свободной Европы» и в особенности на «Свободе».

Что касается Казимира Заморского, то, по словам Кучмерчика, тот особо боялся разоблачений, ибо слишком сильно сумел загадить себя. Стоило намекнуть ему на некоторые факты его биографии, как он, по природе своей трусливый и подлый, тут же затихал. Однако выступить открыто против него никто не решался, ибо каждый сам был запутан в грязных делах. Поэтому я понимал, что заставило людей, собиравшихся «свергнуть» Заморского, обратиться ко мне, человеку, ничем не скомпрометированному, с абсолютно чистой биографией. Кучмерчик заверил меня и дал убедительные гарантии в том, что если я выступлю, то вслед за мной с разоблачениями шефа поднимутся многие, прежде всего сам Кучмерчик, и Заморского уберут.

Я взвесил все «за» и «против». Уберут одного предателя, назначат другого, может быть, еще более нетерпимого. Но, может быть, с тем, другим, удастся установить хорошие отношения? В общем, мысли мелькали всякие, и ответил ему не очень ясно. Дескать, нет у меня весомых материалов, надо собраться с мыслями, подумать, все взвесить, дело серьезное.

Немедленно запросил Центр, подробно доложив все обстоятельства дела, все свои соображения. Получил ответ совершенно однозначный: ни при каких условиях не выступать против Заморского. Для отказа не искать поводов, а просто заявить, что выступать отказываюсь.

Естественно, я точно выполнил указание Центра, готовившийся удар по Заморскому не состоялся. И не сразу узнал я смысл решения Центра. Оказывается, Центр позаботился о том, чтобы вся эта история подробнейшим образом стала известна Заморскому. В частности, и то, что я имел компрометирующий его материал, но не согласился выступать против него, несмотря на уговоры, несмотря на то, что ничем не рисковал, ибо отношение его ко мне и без того было плохим.

После этого случая он резко изменился, стараясь показать свое расположение. Однажды около часа ночи у меня на квартире раздался телефонный звонок, и я услышал голос Замор-

Продолжение. Начало см. в № 49.

ского. Нет, это был не тот чванливый начальник, каким его все знали. Растерянный, какой-то виноватый, извинился, что так поздно звонит. Оказывается, у него произошла маленькая неприятность, и он просит заехать за ним в Бад-Висзее, имея при себе тысячу марок, которые завтра же утром вернет.

Ответив, что выезжаю, я подумал, нет ли здесь ловушки. В рабочее время мою комнату не раз обыскивали. И хотя в ней трудно было обнаружить следы обыска, мне был известен каждый случай, когда в нее заходили. Для этого было достаточно нехитрого приспособления, которое я приладил к двери, и оно давало мне точную информацию, сколько раз в мое отсутствие она открывалась.

Так, может быть, кому-то понадобилось заглянуть в мою комнату ночью? Или я сам понадобился в тихом месте за пятьдесят километров от Мюнхена?

Впрочем, едва ли. Многие факты противоречили такой версии, в частности два. Просил он приехать в Висзее с деньгами. А там находится один из игорных домов, где он постоянно бывал, где не раз проигрывал все наличие, и его обычно выручал Брыдак — друг Заморского. Я знал, что Брыдака на этот раз дома нет. И второе, что бросилось в глаза или, если хотите, в уши,— сам Заморский звонил мне в состоянии приличного опьянения.

Все оказалось, как и можно было предположить. Своего шефа я обнаружил в игорном доме, в окружении возбужденных людей.

— Наконец-то,— решительно обратился я к Заморскому.— Ведь вы забыли у меня портфель.

И вот тут-то я понял, что он действительно разведчик. Абсолютно неуловимое для неопытного глаза удивление лишь на долю мгновения мелькнуло на лице Заморского.

— Вот видите! — торжествующим жестом взял он портфель.— Здесь деньги. Я же говорил, что это — недоразумение и денег у меня всегда предостаточно.— Заморский открыл портфель, куда действительно я еще дома положил пачку сотенных купюр, и тут же рассчитался. Люди, поблагодарив, вежливо удалились. А Заморский и в самом деле торжествовал. На радостях повел меня в бар, хотя и без того был хорош. Потом я едва дотащил его до машины и отвез мертвецки пьяного к нему домой.

В тот период мне удалось сделать слепки весьма сложного ключа главного сейфа, где хранятся ключи и от других сейфов.

Извинившись, я прервал Чеховича: «Ну, хорошо, слепки. Но ведь сами вы говорите — «весьма сложные». Значит, нужна высокая квалификация слесаря, который по слепкам сделал бы ключ, такой слесарь должен быть облечен безграничным доверием. Был ли в вашем распоряжении такой человек?»

Анджей и Генрих переглянулись.

— Сложные,— подтвердил Чехович.— Пришлось делать слепки не только с обеих сторон ключа, но и с его торцовой части.

Иронически улыбаясь, Генрих спросил:

— А не кажется ли вам, что Анджею проще было обернуть слепки ваткой, аккуратно уложив в коробочку, надежно запаковать и передать нам? А уж здесь в Варшаве как-нибудь подобрать подходящего мастера?

Действительно, проще. Вон, оказывается, с какими широкими возможностями им удалось организовать связь.

«Это была одна из удач в моей работе,— сказал Анджей.— Деньги, конечно, Заморский не вернул и убедился, во-первых, что я на них не рассчитываю и, во-вторых, свято храню тайну о его похождениях. Зато он не упускал случая, чтобы подчеркнуть свое расположение ко мне. Это выражалось не только в улыбках или в том, что чуть ли не первым начал здороваться вместо невнятного, хриплого звука, какой он обычно издавал в ответ на мое приветствие. Главное заключалось в новых поручениях, делах, доступе к материалам, которые раньше мне не доверялись.

Пожалуй, решающим в этой метаморфозе стал даже не случай в игорном доме, хотя и он «сблизил» нас, а мой отказ выступить против него. Эта акция особенно сильно повлияла на него, поскольку узнал о ней не от меня, а, как полагал он, благодаря своим способностям разведчика.

Нетрудно представить, какие возможности открылись передо мной, когда я оказался на отличном счету у Новака, обрел доверие Заморского и ключ от его сейфа, где хранились ключи от всех сейфов отделения «анализа и исследований». В отличие от «польской редакции», хотя мы были вроде бы к ней «приписаны», никакой пропагандистской или провокационной деятельности наше отделение не вело, никогда в эфир мы не выходили. Наше дело — только разведка, сбор различных данных о Польше. Именно этим занимались все восемнадцать человек, работавших в отделении.

Это и был мой главный объект, моя цель, во имя которой столько готовился и приехал в Мюнхен.

Отделение находилось в полуподвальном, но отличном помещении главного здания и занимало четыре больших комнаты, стены которых были уставлены сейфами. Сейфы кассового типа, но весьма вместительные и надежные.

Самая безобидная часть работы отделения, как я уже говорил,— составление картотеки на ответственных деятелей Польши. Картотека насчитывала более шестидесяти тысяч «личных дел», где собирались различные данные о руководителях партии, государства, предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства, о деятелях науки, искусства, литературы, просвещения и других областей культуры, о служителях различных религиозных культов, военачальниках, командном составе милиции...

Каждая карточка, кроме обычных анкетных сведений, содержала данные о личной жизни, связях, недостатках, друзьях и недругах «исследуемого». Отмечалось, говорит ли человек одно и то же в официальной обстановке и в узком кругу, как относится к американцам и Советскому Союзу. Особое внимание обращалось на компрометирующие материалы. Карточки постоянно пополнялись новыми данными, черпаемыми из двух источников — польской печати и секретных донесений информаторов.

Кстати, в первый период, когда я еще не пользовался доверием пана Казимира Заморского, мне поручалась только печать. Я просматривал польские газеты, выбирал различные данные на различных лиц и со ссылкой на источник заносил их в соответствующие карточки. Иные из них содержали всего несколько строк, а были и на многих страницах, ибо задача состояла в том, чтобы собрать на человека самые исчерпывающие данные, вплоть до опровергнутых слухов. В карточке можно было найти, когда и на какой пост человек назначен, где и с какими докладами выступал, в какие командировки ездил, с кем сожительствовал, в каких кругах имеет поддержку... Если речь шла о писателях или ученых, приводились оценки их произведений в печати и частные точки зрения.

Европейским отделом «анализа и исследований», в том числе и польским отделением, ведал полковник ЦРУ Джеймс Браун. Высокий, сухой человек. Ему непосредственно подчинялся, по его заданиям работал Казимир Заморский. Из нашей картотеки аппарат Брауна отбирал лишь то, что интересовало американскую разведку. Иногда Браун давал указания: такую-то личность разработать подробнее. Тогда особенно внимательно фамилия данного человека высматривалась в газетах, специальные задания получали агенты и информаторы.

Картотекой широко пользовалась «польская редакция» для провокационных передач, и те, кто занимался вербовкой польских граждан, подбирали по картотеке людей запятнанных.

Над составлением картотеки работали агенты американской разведки Богумил Брыдак, Станислав Микитюк, секретарша Заморского Уршуля Ясинчик и я.

Картотека лишь малая часть работы отделения «анализа и исследований». Главное заключалось в сборе разведывательных данных. На каждую информацию, поступавшую от агентуры, Заморский или его заместители писали короткую аннотацию и давали заключение о ее ценности, достоверности, степени секретности и определяли круг лиц, которых надлежало с ней ознакомить.

Вот несколько переводов документов, хранящихся в сейфах отделения. Фотокопии с оригиналов сделал Анджей Чехович.

ДОКУМЕНТ № 1.

По ограниченному списку	*«Секретно* *№ 266/67*	По прочтении уничтожить
	ПОЛЬША	ХЛ Февр. 6. Ви/П-13632-б.

Вооруженные силы (0300)
Сухопутные войска (0301)
Полувоенные организации (0321)

ОРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

Надежность источника: надежный.

Дата наблюдения: до конца октября 1966 г.

Аннотация на английском яз.: доклад содержит сведения о системе гражданской обороны в Польше.

Оценка: доклад крайне интересен, так как описывает территориальную оборону с обычной точки зрения, а не на основании официальных заявлений, и с первых ее шагов до введения в 1965 году нынешней Инспекции территориальной обороны. Упоминаются также Рышард Стржелецкий и затем Владислав Виха как лица, отвечающие за военные вопросы и внутреннюю безопасность на уровне Секретариата ЦК, что является ценным подтверждением других сообщений и выводов. Официальных подтверждений еще нет (афд)».

ДОКУМЕНТ № 2.

Строго по списку	*«Секретно* *№ 2157/66*	По прочтении уничтожить
	ПОЛЬША ЧЕХОСЛОВАКИЯ	НН-АВ 12 дек. ЛО-10656.

Вооруженные силы (0300)
Подготовка (0305)
Варшавский пакт (0325)

СОВМЕСТНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЛАГЕРЯ ДЛЯ ПОЛЬСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ВОИНСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ

Надежность источника: считается надежным.

Дата наблюдения: июнь 1966 г.

Оценка польского отдела: данные новые и потому не имеют подтверждения. По другим аспектам польско-чехословацкого военного сотрудничества см. № 914/66 строго по списк. и № 943/66 стр. по списку (афд).

Оценка чехословацкого отдела: по данному вопросу сведений нет (п)».

ДОКУМЕНТ № 3.

Распространяется по списку	*«Секретно* *дело № 1126/66*	По прочтении уничтожить
	ПОЛЬША	АВ 7 июля Ви/П-13340

Вооруженные силы (0300)
Сухопутные войска (0301)
Военные училища (0323)

ТРИ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯ В ВАРШАВСКОМ ОКРУГЕ

Надежность источника: неопределенна.

Дата наблюдения: перед концом апреля 1966 г.

Резюме на английском: в сообщении содержатся сведения о трех военно-учебных заведениях в ЗЕГЖЕ.

Оценка: это — совершенно новые сведения. Все, что могу сказать, состоит в том, что ЗЕГЖЕ уже до войны был центром подготовки войск связи и что сейчас там находится училище офицеров связи.

Все приводимые в сообщении имена не были известны нам ранее (афд)».

Анджей сказал: «Посмотрите хотя бы на последний документ. Дата, а под ней «Ви/П-13340». «Ви» — Вена, то есть информация получена из Вены, «П» — Поморский, значит, именно через него она пришла, а номер — это порядковый номер источника информации. Этим же номером с прибавлением буквы — 13340/а, 13340/б и т. д. помечаются следующие донесения, полученные из того же источника.

В конце в скобочках притаились три маленькие буковки. Даже не заглавные, а строчные («афд»). А означают они, что аннотацию на этот документ и заключение о его ценности

и пр. делал Александр Фердинанд Дигнас — первый заместитель Заморского.

Кроме аннотаций, образцы которых мы привели, дается и само донесение. Вот как выглядело донесение о совместных учебных лагерях (документ № 2)».

«На польской территории с июня 1966 г. замечены несколько совместных польско-чехословацких военных учебных лагерей.

Военные лагеря располагаются в следующих районах страны:

а) примерно в 2 км западнее КОРБЕЛОВА (в юго-восточном направлении от ЖИВЕЦ). Лагерь состоит из 25 палаток различного размера. Насчитывается около 500 военнослужащих, из них около 300 чехословаков и 200 поляков. Вся материальная часть представлена несколькими бронетранспортерами и военными грузовиками.

б) лагерь в 3 км к югу от ГЛУБЧИЦЕ в районе, известном под названием КРЗАНОВЕЦ и находящемся к юго-востоку от СТШЕЛЬЦЕ-ОПОЛЬСКЕ.

в) большой лагерь находится в 4 км к востоку от ГЛУХОЛАЗЫ и к северу от дороги, ведущей в ПРУДНИК. Этот большой лагерь состоит из пяти-шести лагерей меньшего размера. Каждый малый лагерь рассчитан примерно на роту. В лагере насчитывается около 20 бронетранспортеров, батарея противотанковых орудий (85 мм), 120-мм минометы и 87-мм зенитные орудия. В 500 м к западу от главного лагеря расположены хорошо замаскированные открытый гараж и склад ГСМ. В лагере насчитывается около 800 солдат.

Часто наблюдается выход за пределы лагеря подразделений численностью во взвод и роту при одном миномете или противотанковом орудии. В лагере расквартированы польские и чехословацкие подразделения.

На дороге между ГЛУХОЛАЗЫ и ПРУДНИК часто наблюдаются смешанные чехословацко-польские патрули военной полиции.

Конец

Рассылается по списку

По прочтении уничтожить».

Генрих показал мне фотокопии донесений о производстве некоторых видов вооружения, выпускаемых в Польше, и другие подобные донесения, добытые Чеховичем в сейфах Мюнхенской радиостанции.

«Как понимаете,— сказал он,— все это носит разведывательный характер и никакого отношения к радиовещанию не имеет».

Характер работы радиостанции отчетливо виден и из новой инструкции контрразведки, называемой здесь «отделом безопасности», которая устанавливает правила поведения сотрудников. Фотокопию полного ее текста также снял Чехович.

Вот глава III — «Переписка РСЕ», то есть радиостанции «Свободная Европа». Здесь, в частности, сказано: «Документы секретного характера, потеря которых может поставить РСЕ в затруднительное положение или скомпрометировать наши источники, не разрешается выносить из помещения».

Как известно, ни на одной радиостанции мира журналистов, корреспондентов не называют «источником» информации. С подобной терминологией мы встречаемся в литературе и фильмах, когда речь идет о разведке. Да и какие на радиостанции секретные документы, да еще такие, что могут скомпрометировать «источник» и поставить его в затруднительное положение? Очевидно, только шпионские.

Раздел IV цитированной инструкции — «Переписка и личные контакты» — начинается так: «А. Строго запрещается переписка и связи с официальными лицами, организациями и агентствами в районах, находящихся под коммунистическим контролем». Как увидим, запрещается только из боязни перед разоблачением. Далее следует пункт «Б», гласящий: «Разрешается поддерживать переписку и контакты с родственниками, друзьями и другими лицами, живущими в районах под коммунистическим контролем, при условии, что эти лица не являются служащими коммунистического режима».

Поистине «вот тебе, бабушка, и Юрьев день». Хорошенькое «разрешается». Просто с этого слова начинается запрет иметь контакты со всем работающим населением СССР и социалистических стран. Но ведь именно на эти страны вещают мюнхенские радиостанции. Почему же боятся контактов, если это честные вещатели? А дальше в этом же пункте «Б» работников РСЕ предупреждают, что о любом виде возникших почему-то контактов они обязаны поставить «в известность Отдел безопасности». О телефонных переговорах «следует докладывать безотлагательно. Следует избегать упоминания о своей работе в РСЕ или о деятельности РСЕ».

Давайте подумаем. Где, на какой радиостанции мира ее сотрудников заставляют скрывать место своей службы, запрещают даже упоминать о ее деятельности, вынуждают безотлагательно докладывать «отделу безопасности», то есть контрразведке, о частных, личных разговорах по телефону.

Если первые два запрета в какой-то мере можно отнести к людям, работающим в разведывательных органах, а никак не на радиостанции, то последний о контроле над частными переговорами вообще ни с чем нельзя сопоставить. Здесь только одно: боязнь, как бы работники РСЕ не проболтались о существе своей деятельности.

В последнем пункте этого же раздела инструкции о поведении сотрудников РСЕ их предупреждают, что имелись случаи, когда представители коммунистического мира звонили отдельным лицам, чтобы узнать их мнение, в частности, «по событиям общественной жизни». К подобным телефонным звонкам,— сказано в инструкции,— следует относиться с предельной осторожностью, так как они скорее всего записываются. Вам следует сказать звонящему, что вам «нечего сказать» по заданному вопросу. О таком звонке или о полученном письме следует доложить начальнику вашего отдела и Отдела безопасности».

В какой же грязи надо сидеть, как запутаться во лжи и бояться разоблачения, как не доверять, в каком унизительном положении держать тысячу двести сотрудников РСЕ, чтобы заставлять их на любой вопрос отвечать, что им «нечего сказать», запрещать им говорить даже о «событиях общественной жизни».

Едва ли не каждый пункт этой инструкции выдает шпионский характер работы РСЕ и унизительное положение, в каком находятся ее сотрудники, впрочем, заслуживающие презрения, ибо почти все они предатели родины и ныне являют собой «отстой подонков», как выразился один из побывавших в их шкуре.

Между прочим, после первых же пресс-конференций Чеховича по возвращении в Варшаву некоторые органы печати на Западе пытались опровергнуть его утверждения о шпионском характере деятельности РСЕ. Однако на Западе же нашлись люди, которые в высшей степени убедительно подтвердили Чеховича. К нему приехал один мюнхенский журналист и спросил, может ли Анджей документально подтвердить свои заявления. Чехович показал ему фотокопии типично шпионских донесений, поступивших в свое время на РСЕ из ее австрийского бюро, возглавлявшегося тогда полковником американской разведки Карлрм Кохом.

Беседа Чеховича с мюнхенским журналистом, как и дальнейшие его действия в этой области, были записаны и засняты на пленку. Получился документальный телевизионный фильм, который мне и показали в Варшаве.

Взяв у Чеховича фотокопии документов, разоблачающих шпионский характер деятельности РСЕ, журналист отправился в Вену. Он не сразу предъявил их полковнику Коху. Отвечая на вопросы журналиста, Кох удивленно пожимал плечами...

Какая разведка, какой шпионаж? Чепуха все это. Австрийское бюро РСЕ интересуется только материалами для радиопередач. В этом его функция, и больше решительно ничем мы не занимаемся.

Карл Кох на разные лады еще долго твердил одно и то же. И смешно было смотреть на экран, смотреть, как опростоволосился старый, казалось бы, опытный разведчик, когда журналист выложил на стол документы сугубо разведывательного характера. «А это разве не от вас пошло на РСЕ?»

В первую минуту Кох изучал их, издавая лишь нечленораздельные, отрывистые звуки, нечто среднее между покашливанием и похрюкиванием. Потом, пожав плечами, развел руками:

«Ну, если попадалась такая информация, естественно, мы не могли ее утаивать и тоже посылали».

Наконец, Кох признал, что РСЕ руководят работники ЦРУ. Но фильм на этом не кончился... На экране полковник Джеймс Браун. Фигура куда крупнее Коха, ведает всей разведкой на РСЕ.

Окончание следует

В Ленинград за лекарством

Представьте себе, что вы пришли в аптеку купить шесть таблеток аспирина, а вам предложили... два килограмма ацетилсалициловой кислоты (так в фармакологии называется аспирин). Да еще спросили: «А у вас тара есть?» И если бы при этом выяснилось, что кислота предложена вам не в виде таблеток и даже не в порошках, а сплошной массой. Легко понять удивление и гнев человека, оказавшегося в столь затруднительном положении.

Но вот недавно одна больная, кстати, сама врач, спросила в аптеке карбонат лития. И вот чем это закончилось...

Впервые положительное влияние лития на психику человека было отмечено еще в прошлом веке, но все более широкое применение в медицинской практике он получил за последние десять лет. Это вещество, помимо своего положительного воздействия при лечении ряда психических, эндокринных и некоторых других заболеваний, обладает профилактическим свойством предотвращать ряд тяжелых душевных расстройств. Средство это многократно описано в медицинских журналах. Литиум карбоникум прочно вошел в практику многих клиник и больниц. Но в московских аптеках, увы, его не оказалось. В чем дело? Может, карбонат лития производится пока в ничтожно малых количествах? Нет, не так обстоит дело.

В поисках карбоната лития пришлось обратиться... в магазин химических реактивов, что на улице имени 25-го Октября, напротив Центральной аптеки. Его там сколько угодно, и продается он... килограммами. Никак не меньше, потому что идет на совсем другие, отнюдь не медицинские цели: покупают его фотографы и специалисты по пиротехнике. Вот и приходится больным приобретать такой неудобный для приема литий, обзаводиться заодно аптечными и чашечными весами, чтоб самим себе развешивать порошочки. Из одного килограмма получаются две тысячи пакетиков! К столь кустарному способу должны прибегать и лечебные учреждения. В больницах имени П. П. Кащенко, З. П. Соловьева сестры вынуждены часами развешивать препарат по 0,3 — 0,6 грамма в каждый пакетик.

Некоторые больные нашли другой выход: посылают своего представителя в Ленинград, оплачивая ему дорогу туда и обратно в складчину. Почему в Ленинград? А потому, что там аптеки оказались более внимательными и чуткими к запросам жителей своего города. Они не только располагают солью лития, получение которой не представляет какой-либо сложности, но и научились из нее делать порошки пополам с крахмалом или глюкозой, что удобнее и лучше для приема. Лекарство можно купить в аптеках города. А в Ленинградском психоневрологическом институте имени В. М. Бехтерева оно дается больным даже в таблетках.

К сожалению, пример с литием не единственный. Министерство здравоохранения СССР и Министерство медицинской промышленности широко разрекламировали обладающий отличным тонизирующим свойством антидепрессант сиднофен. Центральное бюро научно-технической информации выпустило даже проспект, ему посвященный. С тех пор прошло более года, а сиднофена в аптеках нет. Трудно найти такие высокоэффективные препараты, как триптозол, тегретол, финлепсин. С перебоями в аптечную сеть поступают бензонал, циклодол, триседил, неулептил, гаммалон и даже нашедшие самое широкое применение мелипрамин и радедорм. Что это: отсутствие гибкости в работе фармацевтических фабрик и специализированных торговых организаций или дефекты планирования?

Г. ВЛАДИМИРОВА

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. П. ЗАЛЫГИНА

ПОИСК НЕИЗВЕДАННОГО

Богатый жизненный опыт, с которым Сергей Залыгин пришел в литературу, определил во многом своеобразие его художественного творчества. Прежде чем стать писателем, Залыгин был агрономом, инженером-гидротехником, ученым-гидрологом, долгое время занимался наукой, преподавал в сельскохозяйственном институте, участвовал в изыскательских партиях, исколесил всю Западную Сибирь. Хозяйственные и научные вопросы волнуют его и сейчас.

У науки и литературы при всем различии между ними — и это мы видим на примере Сергея Залыгина — есть и общие, сближающие их цели: поиски неизведанного, не открытого в жизни, природе, людях.

Таким открытием неизвестного стали для нас уже «Северные рассказы» (1947) Залыгина, где удивление писателя перед пленительной красотой Севера с его бескрайними тундрами, долгими полярными ночами соединилось с глубоким проникновением в человеческую психологию. «Север,— говорил Залыгин,— меня удивил: там очень виден каждый человек... Даже внешность людей, должно быть оттого, что их немного, запоминается надолго, часто — на всю жизнь, а это и есть самое интересное для писателя — увидеть человека!»

Очень верно сказано: «увидеть человека!». Не в этом ли состоит отличительная особенность Залыгина-художника, запечатлевшего в своих книгах неповторимо индивидуальные судьбы и характеры!

С большим интересом наблюдал Залыгин в течение нескольких лет за работой лесников, биологов, ездил на Алтай с экспедициями, изучал литературу по ботанике, лесному делу, биологии и географии. В результате были написаны рассказы «Боб», «Без перемен», сатирическая повесть «Свидетели» (1956), роман «Тропы Алтая» (1962).

Тема «человек и природа» особенно близка писателю, занимавшемуся долгое время изучением природных богатств сибирского края. «Познавая природу, человек познает и себя»,— говорит Залыгин.

Много знаний, труда и сил отдал Залыгин деревне, именно с ней связано начало его жизненного пути и созданные потом книги, среди них рассказы, очерк «Весной 1954 года», повесть «На Иртыше» (1964). К теме деревни Залыгин подошел с позиций писателя-историка; он считал своим долгом рассказать о коренной ломке старого быта, об изменении психологии крестьянина.

Волнующей проблемой творчества для Залыгина является соотношение науки, истории и современности. Об этом писатель увлекательно рассказал в книге «Интервью у самого себя». Он видит долг литератора прежде всего в изображении переломных моментов истории, в осмыслении их с позиций нашей современности, с целью увидеть в них значительное для сегодняшнего дня. Так даны и события гражданской войны в романе «Соленая Падь» (1967).

Открывая все новые и новые пласты народной жизни, Залыгин много и интересно размышляет над проблемами литературного творчества, внимательно следит за работой земляков-сибиряков, выступает со статьями на различные литературные темы. Им написаны критические очерки о Л. Мартынове, П. Васильеве, В. Овечкине, А. Платонове. На протяжении нескольких лет писатель работал над книгой об А. П. Чехове — «Мой поэт».

В раздумьях о литературе С. Залыгин верен своему главному творческому принципу: соизмерять литературный труд с конкретной практикой жизни, с возросшими требованиями читательской аудитории.

Сергей Залыгин не представляет себе литературного творчества в отрыве от общих задач коммунистического строительства. Писатель не раз включался в борьбу за сохранение природных богатств Сибири, составлял как ученый проекты новых оросительных каналов, участвовал в организации лугомелиоративных станций, поливных участков, выезжал в колхозы и совхозы.

Соединяя в себе незаурядные качества ученого-практика, исследователя, художника и страстного публициста, литературного критика, Сергей Залыгин подчинил все свои знания, талант, опыт служению самой благородной цели — счастью человека.

З. УДОНОВА,
кандидат филологических наук, доцент

ТЕАТР

Наш союзник Щедрин

Трудно переоценить важность обращения художников сцены к произведениям М. Е. Салтыкова-Щедрина; еще одно тому подтверждение — новый спектакль московского театра «Современник» — «Балалайкин и К°», созданный на основе знаменитого сатирического романа великого русского писателя «Современная идиллия».

Двух больших мастеров советского театрального искусства привлек «Современник» к своей работе. Пьесу написал Сергей Михалков, поставил ее Георгий Товстоногов. Таким образом, спектакль возник из счастливого сочетания первоклассной драматургии, зрелой, отточенной режиссуры и блистательного актерского исполнения. Это и определило успех новой работы «Современника».

«Невозможно понять историю России во второй половине XIX века без помощи Щедрина». Эти слова А. М. Горького начертаны эпиграфом на портале сцены. Но при всем глубоком, добротном историзме спектакля «Балалайкин и К°» он имеет не просто историко-познавательное значение; воссоздавая запечатленные гениальным сатириком картины жизни русского общества прошлого века, драматург и театр ставили перед собой четкие идеологические задачи. Автор пьесы С. Михалков верно сказал, что щедринская критика норм общественного сознания и поведения с точки зрения высших идеалов помогает нам в коммунистическом воспитании человека нынешнего.

Используя средства сатиры, драматург, режиссер и актеры сделали все для того, чтобы бессмертные щедринские образы ожили на сцене во всей своей ярчайшей выразительности, во всей убийственной силе реалистического гротеска. Остро, зло, гневно раскрывает спектакль историю вступления — «применительно к подлости» — на стезю благонамеренности двух насмерть перепуганных «либералов», обывателей — Рассказчика (И. Кваша) и Глумова (В. Гафт). Завоевывая репутацию политической благонадежности, они «под влиянием шкурного сохранения» пресмыкаются перед полицейскими чинами, и как логическое следствие — смыкаются с ними в свершении грязных, омерзительных дел.

Собственно, «применяясь к подлости», живут и действуют не только главные «герои», но все персонажи спектакля, олицетворяющие социальные и

Обыкновенные, но не простые

Когда читаешь о людях, связавших свою судьбу с морем, с суровым северным краем, живущих порою без элементарных удобств, но сохранивших при этом доброту сердец, чистоту чувств, то не только становишься невольным соучастником их героических трудовых будней, но тебя охватывает ощущение благодарности к ним, труженикам моря, за их теплые, человеческие взаимоотношения, уважение друг к другу, испытываешь чувство признательности к автору за возможность ближе узнать современников, радоваться их успехам, переживать их неудачи, улыбаться и грустить вместе с ними.

Вот такая гамма чувств охватила меня после прочтения недавно вышедшей книги Альберта Беляева «Выше нас — одно море», со вкусом оформленной художником Л. Анисимовым.

Автор интересно и правдиво показал жизнь моряков Севера, людей профессии романтичной и нелегкой. Рассказывая о специфике морских корабельных профессий, умело выстраивая сюжет, автор сталкивает персонажей в острых, конфликтных ситуациях, не боясь упреков в нетипичности, неправдоподобии. Так, в рассказе «Снабженческий рейс» молодой старпом Акимов волей случая попадает на каботажное судно «Липецк», о капитане которого, Бородулине, в пароходстве ходила молва как о человеке крутого нрава. Сначала все подтверждается, «злыдень» действительно строг, да и рейс выдался необыкновенно труд-

А. Беляев. Выше нас — одно море. М., «Советская Россия», 1973.

Гости «Огонька»

По установившейся традиции журналисты из братских социалистических стран — частые гости «Огонька». Недавно у нас побывали главный редактор чехословацкого еженедельника «Кветы» Милан Цодр и ответственный секретарь Владимир Ленский. Состоялось обсуждение планов сотрудничества «Огонька» и «Кветы» на будущий год.

На снимке: Чехословацкие гости в «Огоньке».
Фото А. Гостева.

нравственные уродства разного толка. Это и безудержно болтливый, прямо-таки одержимый пустозвон и враль, насквозь продажный адвокат Балалайкин (О. Табаков); и ужом извивающийся «полицейский дипломат» Кшепшицюльский (В. Никулин); и маразматические старцы — «странствующий полководец» Редедя (А. Мягков) и купец Парамонов (В. Тульчинский); и циничная, развязная красотка Фаннушка (Н. Дорошина)... А над ними всеми господствует монументально обобщенная фигура квартального надзирателя Ивана Тимофеевича (П. Щербаков), махрового реакционера, упоенного властью, тупого и жестокого.

Выводя сегодня на подмостки «героев» беспощадной сатиры Щедрина, театр осмеивает, отвергает жизнь несправедливую, порочную. И тем самым утверждает нашу мораль, наш образ жизни, наши социалистические идеалы. В борьбе за них Щедрин — наш союзник.

Н. ЛЕЙКИН

На фото: сцена из спектакля «Балалайкин и К⁰».
Фото М. Стронова.

ный. Однако, когда капитан увидел старания своего неопытного старпома, он проявляет подлинную человечность, ненавязчиво и тактично показывая, как надо руководить людьми в критические минуты.

Для А. Беляева важны прежде всего объективная правда характера, истинное достоинство человека. Автор, например, не мыслит подвиг, проявление героизма как самоцель. Персонажи его рассказов совершают героические поступки во имя своих товарищей, жертвуют порой даже собственной жизнью. Этой идеей — жить и трудиться во имя ближнего — пронизана вся книга.

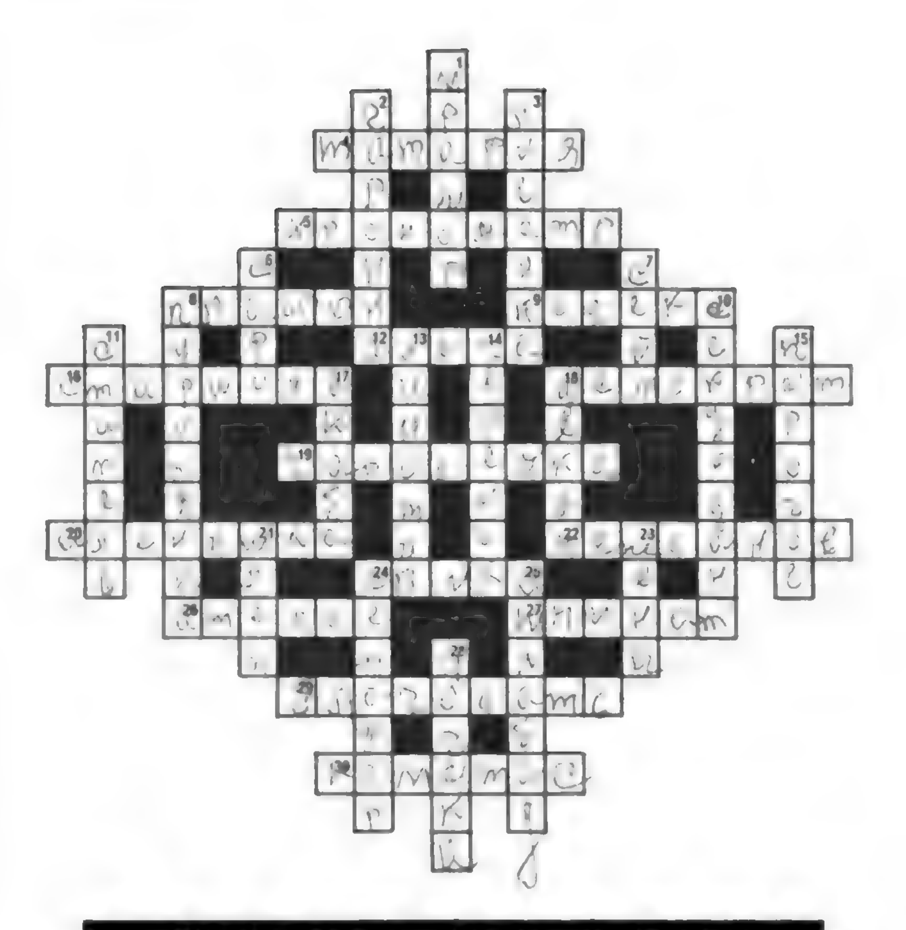
Герои Альберта Беляева — люди самых обыкновенных профессий. Я сознательно избегаю слов «простые люди», довольно часто употребляемых в критике. Персонажи произведений А. Беляева — именно люди обыкновенные, но не простые. Разве назовешь «простым» человеком старую рыбачку Нефедовну («Выше нас — одно море»), пережившую трагическую смерть мужа и детей и при этом сохранившую прекрасные душевные качества русской женщины — доброту, щедрость души, любовь к людям! А сам Филипп Тимофеевич, ее муж, спасший молодого матроса Якова Богданова и погибший,— разве это простой человек?

Верен себе автор и в повести «И снова в море», где он так же проникновенно, с пристальным вниманием к духовному миру героев описывает курсантов мореходного училища, молодых моряков, их друзей, мир их увлечений, нелегкую службу. Любовь и эгоизм, высокое чувство товарищества, понятие о долге — вот вопросы, волнующие автора, которые он выносит на обсуждение.

Умную и добрую книгу, которую тепло встретит читатель, написал Альберт Беляев.

Ямиль МУСТАФИН

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Автономная советская республика. 5. Точные часы. 8. Лепное украшение на потолке. 9. Свод законов. 12. Плодовое дерево. 16. Воинское звание. 18. Древнегреческий философ. 19. Опера П. И. Чайковского. 20. Картина В. М. Васнецова. 22. Персонаж романа И. С. Тургенева «Новь». 24. Яркая звезда в созвездии Девы. 26. Мастерская скульптора, художника. 27. Овощ. 29. Гора на Среднем Урале. 30. Армянский композитор.

По вертикали: 1. Точное воспроизведение предмета, отлитое из гипса. 2. Река во Франции. 3. Музыкальный инструмент. 6. Женская одежда в Индии. 7. Приток Десны. 8. Стихотворение В. Маяковского. 10. Ассистент боксера. 11. Площадка для постройки судов. 13. Наборная машина. 14. Ветка для прививки или посадки. 15. Русский хирург. 17. Залив Красного моря. 19. Руководитель факультета. 21. Головной убор летчика, танкиста. 23. Повесть А. П. Чехова. 24. Сигнальное устройство. 25. Столица союзной республики. 28. Наука, изучающая мышление.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 3. «Полтава». 8. Кипарис. 9. Чусовая. 11. Шихта. 13. «Варвары». 14. Энцелад. 15. Какао. 17. Такса. 18. Флокс. 19. Дамба. 21. Рифма. 24. Трест. 27. Линейка. 28. Насадка. 29. Схема. 30. Беранже. 31. Ондатра. 32. Околица.

По вертикали: 1. Пластика. 2. Камчатка. 4. Бисквит. 5. Материк. 6. Торонто. 7. Тангенс. 10. Маковский. 12. Балалайка. 15. Карат. 16. Офорт. 19. Джемпер. 20. Микенас. 22. Флагман. 23. Алатырь. 25. Рахметов. 26. Симфония.

На первой странице обложки: Дели. 29 ноября. Совместную советско-индийскую декларацию подписывают Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Премьер-Министр Республики Индии Индира Ганди.

Телефото специальных корреспондентов ТАСС В. Мусаэльяна и В. Соболева.

На последней странице обложки: Жители Дели приветствуют Леонида Ильича Брежнева. Внизу: Крупнейшая советско-индийская стройка сегодняшнего дня — металлургический комбинат в Бокаро.

Фото ТАСС.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-38-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 16/XI—73 г. А 00162. Подп. к печ. 3/XII—73 г. Формат 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2656. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1436.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

«Я снова поднимаюсь по тревоге»

Образ Павла Корчагина, пожалуй, один из самых трагических в советской литературе. Рожденный как борец, активно строящий новый мир, герой, пораженный тяжким недугом, остается деятельным строителем нового общества — непобежденным, вдохновляющим других... Быть может, этим объясняется обращение в третий раз к экранизации романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

Перед съемочной группой стояла сложная и ответственная задача. В сердцах читателей ведь уже сложились свои представления о героях произведения, и создателям телефильма нужно было найти новые характерные средства выразительности, которые бы убедили зрителей, что именно такими были Павел Корчагин, Федор Жухрай, Рита Устинович...

Авторы сценария А. Алов и В. Наумов, режиссер Николай Мащенко, исполнитель главной роли, кинодебютант, молодой актер Харьковского ТЮЗа Владимир Конкин и весь съемочный коллектив прослеживают путь нравственного становления героя.

Как формируется личность борца-революционера? Когда просыпается гражданственность души? На эти и многие другие вопросы именно и стремились ответить создатели кинoромана. Но, снимая фильм о героической жизни Павла Корчагина на студии имени Довженко, они вовсе не старались поднять героя на высоту памятника, монумента... В точно

Владимир Конкин в роли Павла Корчагина.

найденном сочетании героизма, одухотворенности и простоты мы ощущаем близость Павки, чувствуем возможность встать вровень с ним. Он не «святой» и не одиночка. Его воля, мужество, революционная страсть возникли не на пустом месте. Они выковались под влиянием старших наставников — большевиков. Встреча Павки с Жухраем (К. Степанков) перевернула и определила дальнейшую жизнь рабочего парня.

Режиссер Николай Мащенко, стремясь найти киноэквивалент романа Н. Островского, придерживался не столько буквы, сколько духа произведения. Это ощущается в строгости и лаконизме стилистики фильма. Способствуют этому и специфические особенности телеэкрана и прежде всего обилие крупных планов.

Крупные планы позволяют телезрителям пристальнее всмотреться в лицо героя в минуты радости, горя, побед... И если в начале фильма мы видим мальчишку, не ведавшего испытаний, потом человека, прошедшего сквозь бури конных атак, теряющего близких друзей и соратников, то в конце перед нами герой, победивший личную трагедию, ставший живым воплощением веры в Революцию.

Т. ТОКАРЕВА

ШКОЛА БОЛ

О. САХАРОВА

Фото Е. Умнова.

Сегодня это — прославленное на весь мир хореографическое училище — Московское академическое, орденоносное, удостоенное не одной высшей международной награды.

Сегодня это — современное трехэтажное здание с просторными репетиционными залами, настоящей сценой, музыкальными классами, кабинетами физики, химии, иностранных языков, спортивным залом. Сегодня, наконец, это шестьсот будущих артистов балета, которые завтра примут славную эстафету советского хореографического искусства.

«Классы театрального танца» при Московском воспитательном доме, где первый набор насчитывал немногим более десяти человек, стали школой балета. Не просто учебным заведением, а целым направлением в искусстве.

Сколько же народных сил, самоотверженности, трудолюбия должна была впитать в себя школа, чтобы не заглохнуть на протяжении двухсот лет, не изменить себе!

Всем нам бесконечно дороги и близки черты, всегда определявшие и определяющие лицо нашего балета,— его одухотворенность, глубокая внутренняя содержательность, эмоциональность... Все это было и есть характерно для лучших наших артистов балета. Но не простая сумма дарований, пусть самых ярких, создает школу в искусстве, а только их сплав, внутреннее единство. И именно училищу мы во многом обязаны тем, что на протяжении почти двух столетий звезда московского балета поднимается все выше.

Талантливейший ученик прославленного Дидло А. Глушковский приехал в 1812 году в Москву из Петербурга. Он был убежден, что балет не может ограничиваться рамками «развлекательного» жанра, что его сфера — область глубоких и сильных человеческих страстей и деяний. Свои взгляды на искусство Глушковский принес и на сцену театра и в училище. Почва для работы была самой благодатной. Демократический состав учащихся (а впоследствии и артистов) во многом определял пути развития московского балета. Ведь с самого дня основания сюда принимали детей преимущественно театральных служащих.

Пережив вместе со всем русским народом Отечественную войну 1812 года, училище вступило в пору расцвета. Глушковский собрал вокруг себя самых одаренных и ярких актеров: будущих танцовщиков учила прекрасная балерина Гюллен-Сор, драматическому искусству — великий М. Щепкин. Не случайно московские выпускницы стали вскоре соперницами знаменитых французских и итальянских гастролерш. Е. Санковская, Т. Карпакова покоряли публику совершенной и смелой для того времени техникой, они принесли на балетную сцену жизнь — яркую, противоречивую. Отныне балет уже не сможет существовать вне этой жизни. Она будет пробиваться

сквозь псевдоакадемизм и эпигонскую подражательность, модернистские изыски, атаки нигилизма. Дух служения любимому искусству, дух борьбы за высокие идеалы закладывался в классах родной школы.

Во главе Московского хореографического училища почти всегда стояли люди, для которых судьба искусства была дороже собственной карьеры. Тридцать пять лет своей жизни посвятил училищу прекрасный танцовщик и педагог В. Тихомиров. Неизвестно, как сложилась бы участь школы в тяжелейшие для русского искусства годы реакции после первой русской революции, хватило ли бы сил у педагогов и учеников пережить разруху и голод гражданской войны, и продолжать работать, если бы не воистину героический труд Тихомирова.

Училище выстояло, чтобы открыть новую прекрасную страницу своей истории. После Великой Октябрьской революции балет перестал зависеть от прихотей и вкусов сановных балетоманов, став частью общенародного советского искусства.

Одной из главных забот московской школы балета было повышение мастерства танцовщиков. И здесь на помощь пришли ленинградцы.

Назначенный директором училища В. А. Семенов приехал вместе со своими замечательными коллегами по сцене Театра оперы и балета имени Кирова — Е. Гердт, А. Чекрыгиным, А. Монаховым, М. Кожуховой. Они обогатили московское училище знаменитой ленинградской академической методикой преподавания классического танца, утвердив единство задач советского искусства. Имена выпускников тех лет говорят о том, что общие усилия педагогов не были напрасными. Достаточно вспомнить И. Тихомирнову, Г. Петрову, О. Лепешинскую.

Пройдет немного времени, и в училище придет Н. И. Тарасов, сначала в качестве педагога, а потом и директора. Имя Тарасова дорого нашему балету не только потому, что он стал одним из основоположников системы обучения мужскому классическому танцу. С ним связаны и трудные и дорогие для воспитанников училища годы войны. Волею судьбы волжские берега дважды давали приют хореографическому училищу. Во время Отечественной войны 1812 года это был Плес, а в 1941 году Н. Тарасов привез училище в Васильсурск. Народная артистка СССР Р. Стручкова рассказывает, какой дружной семьей жило училище. Не было даже намека на растерянность, никогда не возникало сомнения, что ежедневные репетиции, класс могут не понадобиться. Все — и педагоги и ребята — готовились к тому, что скоро надо будет выступать в родном Большом театре. Не было жалоб на холод в классах, на то, что все время хотелось есть — особенно после репетиции, на то, что к обычным обязанностям прибавились новые: старшие следили за малышами, помогали их мыть, обшивать. А ведь этим старшим и самим-то было всего по четырнадцать-пятнадцать...

Здесь же, в васильсурском клубе, училище показало восторженным зрителям свой первый большой спектакль. Один из интереснейших наших балетмейстеров, К. Голейзовский, поставил с ребятами балет-сказку «Сон Дремович». Костюмы, декорации, бутафория — все делалось педагогами и самими юными артистами. Триумф был полный! Спектакль игрался каждый вечер при керосиновых лампах, в плохо протопленном зале. Но разве имело это какое-нибудь значение для Раи Стручковой или Виолетты Бовт, Миры Рединой или Саши Лапаури...

Прошла война, училище вернулось в Москву.

Новый директор талантливый балетмейстер Р. Захаров поставил перед педагогами новую задачу: из стен училища должны выходить широко образованные, эрудированные артисты. Это было тем более необходимо, что советский балетный репертуар пополнялся новыми произведениями, основанными на большой, полноценной драматургии литературных первоисточников.

Огромный вклад внес в творческую жизнь школы яркий художник танца Л. Лавровский, руководивший училищем в 1964—1967 годах. Его требовательность и безупречный вкус, неутомимая фантазия, преданность делу помогали формированию замечательных артистов балетной сцены.

Два века... Время настолько долгое, что трудно поверить в абсолютную гладкость и ровность пути, пройденного школой. Несомненно, были (да и будут) ошибки и просчеты, чередования ярких взлетов и относительного спокойствия. Но судят не по перечню свершенных и несвершенных дел, а по их результатам. А они прекрасны!

Мы видим на сцене прославленных артистов М. Плисецкую, Р. Стручкову, Е. Максимову, Н. Фадеечева, Н. Бессмертнову, М. Лиепу, В. Васильева, М. Лавровского, Ю. Владимирова, М. Леонову, многих и многих талантливых питомцев Московского хореографического училища; мы восхищаемся их мастерством и неповторимостью художественной индивидуальности. Их танец заставляет нас сопереживать происходящему на сцене, будит ответные эмоции, несет в себе большое содержание. Это школа.

...Вы приходите в дом неподалеку от шумного Комсомольского проспекта и попадаете в строгий и красивый мир. Никакой суеты, спешки, приветливые ребячьи лица. Необыкновенная вежливость и огромное достоинство. У малышей глаза поозорнее, но и в них как будто написано: я здесь свой.

Основа основ — урок классического танца. Вот азы: упражнения у палки, трогательно дрожащий вытянутый носок. Дальше, как по ступенькам, упражнения становятся все сложнее и сложнее. И вот уже девочки с традиционными балетными пучочками волос, стянутых на затылке, танцуют на середине зала. Да, танцуют, а не просто выполняют заданную комбинацию. Глаза неотрывно устремлены на собственное отражение в огромной зеркальной стене. Отрывочные фразы педагога, ответы вполголоса, чуть запыхавшись... Французские термины, как язык посвященных... Мальчики более деловиты и угловаты. А выпускной класс — это уже балет. Грация молодости, упоение танцем. Невольно вспоминаются слова, услышанные в классе: «Урок классики — это же радость!»

...Для посторонних хореографическое училище — почти романтика. «Нет,— работа, наука, воспитание воли, характера и еще раз работа,— утверждает директор училища народная артистка РСФСР С. Головкина.— Наши дети знают, что они обязаны получить здесь как можно больше, чтобы потом было что вернуть людям. Мы сегодня готовим артистов и для балетных трупп и для ансамблей народного танца. Программа обширна и очень сложна. Ведь мы всегда должны быть немножко впереди: наши воспитанники — артисты балета завтрашнего дня».

Празднуя юбилей Московского ордена Трудового Красного Знамени академического хореографического училища, мы не только вспоминаем о прекрасном, уже пройденном пути. Мы смотрим на сегодняшних учеников и видим будущее.

Лариса Мергуланова, ученица 2-го класса педагога Н. Дашковой.

Восьмой класс. Занятия по дуэтному танцу проводит лауреат Ленинской премии М. Лиепа.

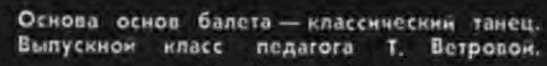
Шестиклассник Сережа Соловьев.

Урок физики в 3-м классе.

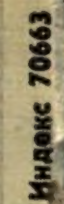
Урок русского народного танца в 5-м классе ведет педагог А. Климов.

Директор училища народная артистка РСФСР С. Н. Головкина со своими ученицами.

Основа основ балета — классический танец. Выпускной класс педагога Т. Ветровой.

Индекс 70663

Цена номера 30 коп.